

БАШКИРСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ФИЛИАЛ)
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ПРОФСОЮЗОВ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АКАДЕМИЯ ТРУДА И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

**Всероссийская научно-практическая Интернет-конференция
Уфа, 3 декабря 2021 г.**

УФА
2021

БАШКИРСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ФИЛИАЛ)
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ПРОФСОЮЗОВ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АКАДЕМИЯ ТРУДА И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

**Всероссийская научно-практическая Интернет-конференция
Уфа, 3 декабря 2021 г.**

УФА
2021

УДК 340
ББК 67
О75

Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики : сборник мат-лов Всерос. науч.-практич. Интернет-конф. (Уфа, 3 декабря 2021 г.) / Башкирский институт социальных технологий (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений». — Уфа : Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО», 2021. — 108 с.

ISBN 978-5-904354-82-4

В настоящем сборнике представлены результаты научных исследований участников конференции по вопросам развития теории и практики современного права. Предметом рассмотрения стали такие актуальные в настоящее время вопросы, как: современные тенденции в реализации норм российского и международного права; российская правовая политика: сегодня и завтра; конституционно-правовое развитие современной России: приоритеты, проблемы, тенденции; пути развития гражданского права в современном мире; особенности правового регулирования информационного пространства: вызовы времени; проблемы совершенствования семейного и наследственного права и пути их решения; превентивная деятельность органов внутренних дел как механизм противодействия ксенофобии, экстремизму и терроризму; актуальные проблемы административно-правового регулирования публичных правоотношений и др.

Материалы сборника могут быть использованы в исследовательских, учебных и практических целях.

Статьи печатаются в авторской редакции.

УДК 340
ББК 67

Уважаемые участники конференции!

Приветствую вас от имени коллектива Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»!

Наша конференция проходит в Интернет-формате, что связано с продолжающейся коронавирусной пандемией, которая заметно изменила привычный образ жизни: редкими стало живое общение, обсуждение актуальных проблем в традиционном формате. Однако жизнь не стоит на месте и каждодневно требует внимания к самым разным вопросам: мы живем в эпоху глобальных перемен, которые, как общемировая тенденция развития современного общества, охватывают все сферы человеческой деятельности, в том числе и правовую, активно влияют на нашу жизнь и требуют ответа на новые вызовы.

Научно-практические конференции — это и есть те площадки, которые предоставляют возможность вести диалог заинтересованных сторон и в совместном обсуждении находить решения по широкому спектру актуальных проблем, позволяют в комплексе как проанализировать сегодняшнюю ситуацию, так и спрогнозировать — в нашем случае — тенденции развития права в будущем.

В работе конференции принимают участие студенты и магистранты, преподаватели вузов, кандидаты и доктора наук. Главная ее цель — обмен передовым опытом и знаниями в сфере современного права.

Нет сомнений, что сегодня будет представлена широкая палитра мнений и предложений, и все они будут способствовать решению теоретических и практических вопросов современного права, а предложенные рекомендации найдут свое применение в практической деятельности.

Уверена, что конференция пройдет в конструктивном и созидательном ключе и принесет желаемые результаты.

Успешной вам работы!

Т. А. Нигматуллина,
директор БИСТ,
заведующий кафедрой политологии,
истории, теории государства и права,
доктор политических наук

Баранова В. А.,
студентка 2-го курса философского факультета
«Реклама и связи с общественностью»
Н.Р. Денильханов А. Х.,
кандидат политических наук,
преподаватель кафедры философии языка и коммуникации.
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва
verochka_baranova02@mail.ru

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Рассматривается обсуждаемый в юридической литературе вопрос о содержании брачного договора. Авторы предприняли попытку определить предмет данного соглашения через его отраслевую принадлежность. В статье представлен анализ материалов судебной практики.

Ключевые слова: брачный договор, предмет, содержание, семейное право, гражданское право.

Брачный договор — одно из имущественных соглашений супругов — является наиболее полно исследованным в юридической литературе документом. Однако не все вопросы, его касающиеся, нашли однозначное решение, в том числе о его содержании. Любые рассуждения о содержании брачного договора не будут полными без определения его отраслевой принадлежности, так как именно последнее предопределяет возможные границы договорной свободы при формировании условий брачного договора.

Брачный договор — единственное семейное соглашение, легальное определение которого закреплено в законе и которым признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения (ст. 40 Семейный кодекс РФ) [1].

Содержание брачного договора составляют его существенные условия, перечень которых определен ст. 42 Семейный кодекс РФ (далее — СК РФ). В литературе высказано мнение, что этот перечень «является открытым, так как закон позволяет включить в договор любые положения, касающиеся имущественных отношений супругов. Брачный договор может стать своеобразным имущественным кодексом конкретной супружеской пары, детально определяя практически все имуществен-

ные аспекты семейной жизни» [2, с. 104]. Действительно, супруги вправе самостоятельно определить условия, которые они хотят включить в свое соглашение, лишь соблюдая установленные законом ограничения, а таковых достаточно много.

Предметом брачного договора следует считать имущественные права и обязанности супругов (ст. 40 СК РФ). Причем определить свои имущественные права супруги или лица, вступающие в брак, вправе как на случай расторжения брака, оставив в браке режим общей совместной собственности, не определяя особенности реализации имущественных прав и исполнения обязанностей в браке, так и определить способы и приемы реализации имущественных прав и исполнения имущественных обязанностей в рамках брачного правоотношения. СК РФ не дает подробного перечня имущественных прав и обязанностей супругов, в ст. 1 определяя возможные границы правомерного поведения супругов в имущественном правоотношении. Супруги равны в правах, обязаны быть ответственными перед семьей, заботиться друг о друге, доверять другу и другу и т. д. — все это имеет прямое отношение к реализации супругами их имущественных прав в семье и исполнении имущественных обязанностей.

Не случайно п. 1 ст. 30 ГК РФ допускает ограничение дееспособности гражданина, который ставит семью в тяжелое материальное положение в силу его пристрастия к спиртным напиткам, наркотическим веществам и т. д.

СК РФ не содержит исчерпывающего перечня вопросов, которые могут быть урегулированы брачным договором, но примерный перечень условий можно определить исходя из анализа ст. 42 СК РФ.

Так, согласно п. 1 ст. 42 СК РФ брачным договором супруги вправе прекратить законный режим совместной собственности, установив, например, режим совместной собственности только на движимое имущество, а на недвижимое — режим долевой собственности или наоборот. Они могут предусмотреть долевую собственность на все имущество или на отдельные его виды. Вместо режима общей совместной собственности брачным договором может быть предусмотрен режим раздельной собственности на отдельные виды имущества, которое будет приобретено, или на все имущество.

Гражданское законодательство использует термин «режим» (в юридической литературе термин «режим» используется и при характеристике общей долевой собственности, собственности только применительно к собственности супругов (п. 1 ст. 256 ГК РФ), но исходя из положений СК РФ можно сделать вывод, что к договорному режиму имущества супругов относится долевая и индивидуальная (раздельная) собственность [3, с. 520].

Законный режим имущества супругов предполагает, что супруги владеют, пользуются, распоряжаются общим имуществом по обоюдному согласию, также действует презумпция согласия одного супруга при распоряжении общим имуществом другим супругом (ст. 35 СК РФ). Если брачным договором установлен режим общей долевой собственности, то указанная презумпция не действует, необходимо волеизъявление обоих супругов на совершение сделки по распоряжению общим имуществом. Если же согласия по этому поводу не достигнуто, то собственник доли вправе по своему усмотрению распорядиться своей долей, соблюдая при этом правило ст. 250.

Свобода выбора условий брачного договора вовсе не безгранична, на что указывает п. 3 ст. 42 СК РФ. Так, брачным договором не могут регулироваться неимущественные отношения. По этому поводу в литературе высказано мнение, что содержание личных неимущественных прав и обязанностей урегулировано в законе и по общему правилу не может быть изменено соглашением сторон, а если таковое все же заключается, то оно носит неправовой характер.

Вместе с тем важно обратить внимание на некоторое противоречие, имеющееся в СК РФ: пункт 2 ст. 42 СК РФ позволяет супругам ставить права и обязанности, предусмотренные брачным договором, в зависимости от наступления или не наступления определенных условий, в том числе и неимущественного характера. Таким образом, в брачном договоре можно предусмотреть условие о том, что нарушение любого личного права может повлечь для супруга-нарушителя ряд неблагоприятных имущественных последствий. Более того, представляется, что не только нарушение личных прав может повлечь определенные юридические последствия, но и любое другое изменение (или отсутствие изменений) в поведении супруга. В связи с этим приведем в качестве примера рассуждения ученых, иллюстрирующие определенную условность запрета на регулирование неимущественных отношений брачным договором.

Б. М. Гонгалов и П. В. Крашенинников «в качестве курьеза» приводят примеры условий [3, с. 26–26], которые, казалось бы, недопустимы в брачном договоре. Они считают ничтожными положения договора, устанавливающие, что в период брака «супруг (супруга) не курит... не злоупотребляет спиртными напитками и, безусловно, подчиняется запрету супруга (супруги) по их употреблению или ограничению... полностью удовлетворяет потребности супруга в сексуальной жизни по общепринятым медицинским нормам... Сохраняет супружескую верность». По их мнению, стороны брачного договора «могут поставить возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей в за-

висимость от условий, наступление или не наступление которых зависит от воли сторон». Поэтому в брачном договоре можно предусмотреть неблагоприятные последствия при разделе имущества, например, если супруг курит или нарушает супружескую верность, что не является противоправным, так как направлено на формирование здорового образа жизни, уважение к другому супругу, что учитывается и СК РФ (ст. 39).

Следует также согласиться с мнением Н. Е. Сосипатовой, которая, ссылаясь на брачный контракт между А. Онассисом и Ж. Кеннеди, содержащим условия об обязанности мужа выплатить жене компенсацию в размере 10 миллионов долларов за каждый прожитый год, если муж явится инициатором развода, считает, что «столь непривычное для нашей правовой традиции условие ... вполне согласуется с нормами о компенсации морального вреда, предусмотренными как ГК РФ, так и СК РФ» [4, с. 45].

Таким образом, личные неимущественные отношения между супругами все же могут быть определены брачным договором. Вместе с тем на поведение супруга можно воздействовать брачным договором, хотя и косвенно. И такое воздействие может оказаться гораздо эффективнее прямых запретов. Например, ст. 18 СК Молдовы декларирует обязанность супругов морально поддерживать друг друга и хранить супружескую верность [5, с. 22]. Можно предположить, что такое право супругов в случае его закрепления в законе было бы востребовано, тем более, как показывает практика, к нотариусам нередко обращаются с просьбой удостоверить брачный договор, содержащий условия о верности супругов друг другу, об упорядочении интимных отношений и т. д.

В юридической литературе также высказываются пожелания о включении в СК РФ положений, касающихся личных неимущественных отношений супругов, которые могли бы являться частью содержания брачного договора. Не нужно думать, что включение в СК РФ указанного положения породит вал брачных договоров, содержащих условия о регулировании личных неимущественных отношений, не привязанных к последствиям несоблюдения этих условий. Скорее всего, в брачных договорах будет предусмотрено условие о негативных имущественных последствиях, которые могут наступить при неисполнении личных обязанностей.

В брачном договоре не может быть условия о распоряжении своим имуществом на случай смерти. Однако есть авторы, допускающие такое явление. Объясняется это тем, что существуют специальные нормы ГК РФ, предусматривающие особые условия и порядок составления завещания.

Необходимо согласиться с мнением о возможности заключения смешанного брачного договора, включив в него условия о выплате алиментов одним супругом другому супругу. В таком случае содержание этих условий должно подчиняться правилам гл. 16 СК РФ. Однако в брачном договоре не допустимы условия, ограничивающие право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания, поскольку он правомочен требовать предоставления содержания в судебном порядке (ст. 89, 90 СК РФ). Следовательно, условия, препятствующие реализации этого права, ничтожны.

Брачный договор есть соглашение со специальным субъектным составом, не создающим прав и обязанностей для третьих лиц, в том числе детей: они, как и другие члены семьи, являются самостоятельными субъектами права, поэтому в нем не может быть условий о правах и обязанностях супругов-родителей в отношении их детей. Большинство авторов утверждает, что этот запрет распространяется на все родительские права и обязанности. Однако Л. Б. Максимович считает, что в п. 3 ст. 42 СК РФ говорится лишь о родительских правах личного характера, т. е. о невозможности включения в брачный договор условий о том, кто будет заниматься воспитанием детей, с кем будет проживать ребенок и т. д. [6, с. 75], хотя в более поздней работе автор пишет уже о возможности урегулирования прав и обязанностей в отношении детей только специальными соглашениями между родителями (ст. 65, 66 СК РФ) [7, с. 16]. Ошибочно считают, что положения ограничения свободы брачного договора вполне могут быть отнесены к прямо разрешенным п. 1 ст. 42 СК РФ для регулирования брачным договором положениям о порядке несения супругами семейных расходов.

Представляется, что запрет, содержащийся в п. 3 ст. 42 СК РФ, вполне оправдан. Во-первых, хотя супружеские и родительские права и обязанности в подавляющем большинстве случаев и существуют одновременно, они являются совершенно разными. Нельзя смешивать правовое положение гражданина-супруга и гражданина-родителя. Во-вторых, как отмечалось, многие родительские соглашения касаются выполнения родителями своих личных неимущественных обязанностей в отношении ребенка. Если бы заключалось супружеско-родительское соглашение, то в него пришлось бы постоянно вносить изменения. Брачный договор предоставляет супругам определенные возможности для урегулирования их имущественных отношений в пределах, установленных законом.

Брачный договор также не может содержать условия, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречащие основным началам семейного законодательства. Очевидно, под крайне неблагоприятным положением следует понимать положение

значительно худшее по сравнению с тем, которое сложилось бы при законном режиме имущества супругов. Например, один из супругов лишается права на имущество, нажитое во время брака. Так как «крайне неблагоприятное положение» — категория оценочная, связанная с конкретной жизненной ситуацией, то такое условие является не ничтожным, а оспоримым, т. е. брачный договор в этом случае может быть признан судом частично недействительным по требованию супруга, чьи права ущемлены (п. 2 ст. 44 СК РФ).

Брачный договор может быть признан судом недействительным полностью или частично по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации для недействительности сделок. Суд может также признать брачный договор недействительным полностью или частично по требованию одного из супругов, если условия договора ставят этого супруга в крайне неблагоприятное положение [8]. Срок исковой давности в данном случае следует исчислять с момента, когда этот супруг узнал или должен был узнать, что в результате реализации условий брачного договора он попал в крайне неблагоприятное имущественное положение.

Таким образом, брачный договор заключается с целью изменить установленный законом режим совместной собственности или с целью установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов.

Библиографический список

1. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ, (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16. Ч. 1.
2. Красильникова Д. В. Брачный договор: сущность и особенности // Молодой ученый. 2019. № 50 (288). С. 520–522 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/288/65315/> (дата обращения: 08.12.2021).
3. Гонгало Б. М., Крашенинников П. В. Брачный договор. М., 2002. 325 с.
4. Сосипатрова Н. Е. Брачный договор: правовая природа, содержание, прекращение // Государство и право. 2016. № 3. С. 45–53.
5. Рабец А. М. Опыт правового регулирования личных неимущественных отношений супругов в РФ и странах ближнего зарубежья // Семейное и жилищное право. 2016. № 1. С. 22–29.
6. Максимович Л. Б. Брачный договор как способ регулирования имущественных отношений супругов. М., 2003. 152 с.
7. Звенигородская Н. Ф. Смешанные договоры в семейном праве // Нотариус. 2011. 4. С. 15–21.
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.01.2015 № 5-КГ14–144 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://consultant.ru>

Баранова Е. С.,

канд. юрид. наук, доцент кафедры политологии,
истории, теории государства и права;

Литвинюк А. В.,

студентка 3-го курса юридического факультета.
Башкирский институт социальных технологий (филиал)
Академии труда и социальных отношений, Уфа
litvinyukaanyaa@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ В СВЕТЕ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРИНЯТЫХ В 2020 ГОДУ

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются принятые в 2020 году поправки к Конституции России, их влияние на государственный суверенитет Российской Федерации. Исследуется роль поправок в укреплении суверенности Российской Федерации, а также повышения авторитета России на мировой политической арене.

Ключевые слова: Конституция, поправки к Конституции Российской Федерации, суверенитет, Российская Федерация, международный статус.

Вопрос суверенитета и суверенности государства традиционно занимал центральное место в теоретико-правовой науке, а также международном и конституционном праве. Кроме того, тема независимости и самостоятельности государства (суверенитета) интересна как с точки зрения права, так и факта.

Конституция России отражает юридическую сторону государственного суверенитета. Она непосредственно учитывает фактическую сторону суверенитета государства, так как конституционные нормы формируются на действующих принципах существующих государственных установок. По развитию конституционных норм можно отслеживать и усовершенствование государственного суверенитета [1].

Говоря по существу, суверенитет представляет собой важную часть государства, которая формируется в цельности политического содержания, которое, в свою очередь, состоит в способности обладателя верховной государственной власти самостоятельно формировать и осуществлять свою волю, и юридической формы, означающей закрепление свойств суверенитета в системе законодательства, структуре и компетенции органов государственной власти. В Большом юридическом сло-

варе понятие суверенитет представляет собой верховенство и независимость власти [4, с. 451].

Суверенитет, согласно конституционному праву, разграничивают на несколько видов:

во-первых, суверенитет государственный — это верховенство власти внутри страны, а также ее независимость во внешней сфере, то есть целостность законодательной, исполнительной и судебной власти государства, которая предотвращает подчинение иностранным властям, кроме тех случаев, когда государство добровольно выражает свое согласие на ограничение своего суверенитета;

во-вторых, суверенитет национальный — власть полностью принадлежит нации. Нация обладает политической свободой и возможностью устанавливать характер своей национальной жизни;

в-третьих, суверенитет народный — власть полностью в руках народа. Народ владеет социально-экономическими и политическими инструментами для участия в регулировании дел общества и государства. Народный суверенитет — это один из важнейших принципов конституционного строя в демократическом государстве.

Жан Боден, ученым, который предложил понятие суверенитета и разработал его с теоретической точки зрения, представил первую и актуальную в наше время формулировку суверенитета как высшей и неделимой власти, способной принимать законы без чьего-либо согласия [3, с. 15].

В качестве определенного исторического этапа развития государственного суверенитета России можно назвать принятие в 2020 году поправок к Конституции РФ.

Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» внесены изменения и дополнения в Конституцию РФ, которые были одобрены всенародным голосованием и вступили в силу [2]. Такие масштабные изменения произошли впервые с 1993 г., хотя назревали уже давно исходя из современного состояния политико-правовых процессов в России. Международные события последних лет и внутрироссийские общественно-политические процессы обусловили актуальность обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации и позволили по-другому взглянуть на суверенность в международной политической системе.

Одной из принятых поправок к Конституции России является дополнение к ст. 67 ч. 2.1: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной

границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются».

Необходимо учитывать, что это положение не совсем является нововведением, так как в ч. 3 статьи 4 Конституции России уже указывалось об обеспечении целостности и неприкосновенности российской территории. Поправка же уточняет и увеличивает содержание суверенных прав и обеспечение их защиты, при этом делая уточнение на защите суверенитета во всех его проявлениях. Это предоставляет государству возможность использовать обширный круг средств для достижения названной цели.

Часть 2.1, дополняющая ст. 67 Конституции РФ, запрещает действия, которые могут быть направлены на отчуждение части территории России или призывы к таким действиям. Реальное назначение данного положения не очевидно, но достаточно логично. Так как Конституция РФ может быть изменена только в особом порядке, то указанное конституционное положение будет служить гарантией сохранения территориальной целостности России в долгой перспективе вне зависимости от того, какие политические силы придут к власти. Безусловно, здесь, в частности, подразумевается пресечение какой-либо возможности отчуждения в будущем присоединенных территорий — Республики Крым и города Севастополя, учитывая непризнание рядом государств законности вхождения этих субъектов в состав Российской Федерации и возможное в связи с этим международное давление на российские власти.

В этой же части запрещается и призыв к совершению действий, которые следуют цели отчуждения территории России. В данном случае воспроизводится смысл ст. 280.1 Уголовного кодекса РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Однако, в отличие от Уголовного кодекса РФ, конституционное положение более статично и может быть изменено только в исключительном порядке.

Еще одним важным изменением является дополнение ст. 79 Конституции РФ, которая устанавливает возможность Российской Федерации участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий следующим пунктом: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

В этой ситуации применен принцип верховенства Конституции РФ, прямо вытекающий из сущности государственного суверенитета Рос-

сийской Федерации. Это также предполагает, что нормы международного права в иерархии законодательства Российской Федерации стоят на ступень ниже, чем нормы Конституции РФ.

Продолжением темы укрепления государственного суверенитета России в принятых поправках стало дополнение текста Конституции РФ ст. 79.1, в которой указывается, что «Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства».

Данная формулировка прямо декларирует, что Российская Федерация является значимым участником международных отношений и наделяется правом применять различные меры (дипломатические, гуманитарные, военные и т. п.) для поддержания и обеспечения международного мира. Эта статья фактически легализует весь комплекс мер, применяемых Российской Федерацией для урегулирования вооруженных конфликтов в Сирийской Республике и некоторых других странах, а также различные формы участия в разрешении политических кризисов (например, в странах Африки) [5, с. 22].

Определенное значение имеет и дополнение текста Конституции РФ ст. 67.1, в которой, в частности, указывается на полное международное правопреемство России от Союза ССР, исторически сложившееся государственное единство, почитание памяти защитников Отечества и воспитание патриотизма. Несмотря на то, что прямая связь с суверенитетом отсутствует, эти положения так или иначе имеют отношение к развитию суверенитета государства, то есть идеологического звена обеспечения суверенности. Россия здесь предстает в образе уникальной цивилизации, которая развивалась непрерывно, включая период существования СССР, и не намерена растворяться в мировом сообществе с унифицированными ценностями и идеалами.

Таким образом, оценивая принятые в 2020 году поправки в Конституции Российской Федерации и вопросы развития государственного суверенитета, необходимо отметить тот факт, что они указывают, прежде всего, на укрепление суверенности Российской Федерации и повышение статуса и значимости России на мировой политической арене.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. 2020. № 55. 16 марта.

3. Боден Ж. Метод легкого познания истории / пер., статья, прим. М. С. Бобковой; отв. ред.: В. И. Уколова, Н. А. Хачатурян. М. : Наука, 2000.

4. Большой юридический словарь / сост.: А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. М., 2003. 571 с.

5. Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. Государственный суверенитет Российской Федерации в свете поправок к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11. С. 21–23.

УДК 347.98

Веде Ю. В.,

аспирант 1-го курса кафедры гражданского процесса.
Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург
veda281094@mail.ru

ТОРПЕРДИРУЮЩИЙ (БЛОКИРУЮЩИЙ) ИСК

Аннотация. Работа посвящена проблеме злоупотребления процессуальными правами. В статье рассматривается один из видов злоупотребления процессуальными правами — Torpedoklage. Даны понятие и характеристика данного правового явления, проведен анализ его влияния на общий срок рассмотрения дела.

Ключевые слова: подсудность спора, Torpedoklage, злоупотребление процессуальными правами, затягивание рассмотрения спора.

Проблема злоупотребления правами в гражданском процессе присуща не только российской правовой действительности, но и большинству других мировых правовых порядков. Изучение иностранного законодательства, доктрины и правового опыта является одним из способов создания механизма противодействия различным видам злоупотреблений процессуальными правами в национальном праве.

Как справедливо отмечает М. В. Немытина, «на протяжении более 70 лет мы жили в замкнутом правовом пространстве и искренне верили в то, что наше советское право — самое лучшее. Как результат — не знаем других правовых систем, не владеем сравнительным правоведением. Мы отказались от накопленного столетиями в ходе эволюции политических и правовых институтов отечественного опыта — отечественная правовая традиция в России оказалась прерванной. В условиях господства одной идеологии мы отучились жить в науке в условиях многообразия, использовать разные подходы» [1, с. 188; 2, с. 9]. Ввиду

указанного выше, изучение опыта зарубежных стран является одним из приоритетных и актуальных направлений в современной юридической науке.

В период принятия Гражданского процессуального уложения ФРГ (1877 г.) проблема разграничения компетенции национальных и иностранных судов не имела большого значения. В результате законодатель не уделил ему должного внимания. Проблема приобрела свою актуальность лишь в XX веке, в связи с качественным скачком в развитии международных торговых связей и миграцией населения [3, с. 143].

Несмотря на наличие большого количества постановлений суда высшей инстанции и Суда Европейского союза по вопросам подсудности, тем не менее вследствие роста международных, в первую очередь экономических, отношений, вопросы определения подсудности, злоупотребления процессуальными правами при определении компетентного суда и определении общей стратегии ведения дела являются актуальными на сегодняшний день.

Одним из частых видов злоупотребления процессуальными правами в европейском гражданском процессе являются так называемые *Torpedoklage* [4, с. 2], представляющие собой обращение должника, заведомо знающего о наличии оснований для обращения к нему с иском кредитора и знающего о наличии всех оснований для удовлетворения исковых требований, в целях затягивания судебного разбирательства с негативным иском о признании обязательства, нарушенного должником, в суд иностранного государства, которому данный спор неподсуден, максимально используя существующие инструменты для затягивания срока рассмотрения спора посредством искусственного создания условий, при которых данный спор становится подсудным суду иностранного государства.

Обращение с таким *Torpedoklage* в некомпетентный суд иностранного государства создает препятствие для обращения кредитора с законным иском о понуждении должника к исполнению обязательства в компетентный суд, в соответствии с действующим законом, на протяжении нескольких лет. В итоге подобное действие должника оказывает существенное влияние на фактический исход дела, что нередко делает невозможным последующее исполнение решения суда.

Приведенный пример является проявлением злоупотребления процессуальными правами посредством создания обманным способом ситуации, когда дело становится подсудным суду иностранного государства. В результате правила подсудности становятся искусственно измененными или созданными, и подсудность дела конкретному суду целенаправленно обосновывается посредством умышленного создания

условий, при которых дело может быть отнесено к компетенции выбранного суда [5, с. 112].

Термин *Torpedoklage* не содержится в законодательстве ни одного из современных государств [6, с. 208]. Однако, несмотря на отсутствие его нормативного закрепления данного термина, вследствие разнообразной и широкой судебной практики данное понятие твердо закрепилось в процессуальной литературе. De facto речь идет о своеобразном «блокирующем иске», который получил широкое распространение в европейской судебной практике. Впервые данный термин был употреблен и подробно описан итальянским адвокатом Mario Franzosi [7, с. 382–385]. При формулировании данного термина им проводится параллель между торпедированием кораблей и блокированием судебного процесса. Цель обращения с таким иском заключается в том, чтобы выиграть максимальное количество времени или максимально длительно приостановить процесс в целях создания условий для невозможности фактического исполнения решения суда после его вступления в законную силу либо для утраты интереса кредитора в его исполнении.

Torpedoklage необходимо отличать от иных видов злоупотребления процессуальными правами. Неблагоприятные последствия для кредитора заключаются в том, что при обращении должника с *Torpedoklage* компетентный суд не может рассмотреть иск Кредитора о понуждении должника к исполнению обязательства ввиду необходимости предотвращения ведения параллельных судебных разбирательств и вынесения несовместимых решений двумя или более судами одновременно, по сути взаимоисключающих друг друга. Иные возможные случаи злоупотребления процессуальными правами в гражданском процессе, в особенности случаи обращения с исками *forum shopping*, не являются данным видом злоупотребления процессуальными правами и не рассматриваются в рамках данной статьи.

Подводя итог, отметим, что иски о признании права (в том числе отрицательные иски) знакомы науке еще со времен древнего Рима. Между тем, в свете развития международных отношений и поисков участниками правоотношений, в особенности экономических, способов достижения наиболее благоприятных последствий при возникновении конфликтных ситуаций, развиваются и формы злоупотреблений, в том числе посредством адаптации давно известных процессуальных институтов в соответствии с потребностями участников экономического оборота. Ввиду изложенного, полагаем, что анализ правового опыта европейских стран в области противодействия процессуальным злоупотреблениям, в том числе *Torpedoklage*, позволит выйти на новый уровень в борьбе с процессуальными злоупотреблениями сторон в современном гражданском процессе.

Библиографический список

1. Научно-методологический семинар: «Актуальные проблемы методологии юридической науки» // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 1. С. 188–199.
2. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки // Монография. Екатеринбург, 2001. С. 245–258.
3. Тариканов Д. В. Некоторые вопросы международной подсудности в практике Верховного Суда ФРГ: комментарий к решению Верховного Суда ФРГ от 29.03.2011 // Московский журнал международного права. 2011. № 4. С. 142–152.
4. Klöpfer, Missbrauch im Europäischen Zivilverfahrensrecht, 2016, 342S.
5. Althammer, Streitgegenstand und Interesse, S. 722.
6. Schmehl, Christine. Parallelverfahren und Justizgewährung: Zur Verfahrenskoordination nach europäischem und deutschem Zivilprozessrecht am Beispiel taktischer „Torpedoklagen“. Mohr Siebeck; Auflage: 1. 2011. XVIII, 424 S.
7. Franzosi, Mario. Worldwide patent litigation and the Italian torpedo. // European Intellectual Property Review, 1997. № 7. S. 382–385.

УДК 349.41

Гайфуллин И. Ш.,

магистрант.

ilshatmso@gmail.com;

Ямалетдинов Р. Р.,

канд. юрид. наук, доцент

кафедры финансового и экологического права.

Институт права Башкирского государственного университета, Уфа

yamaletdinov.r@bashkortostan.ru;

Иксанов Р. А.,

старший преподаватель кафедры

политологии и теории государства и права.

Башкирский институт социальных технологий (филиал)

Академии труда и социальных отношений, Уфа

iksanov333@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРИВАТИЗАЦИИ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуются особенности организационно-правового механизма приватизации земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации, раскрывается анализ отно-

шений и основные этапы приватизации земель сельскохозяйственного назначения. Определения термина «приватизация» действующее законодательство России не содержит, и вопрос о том, предполагается ли возмездность в сделке приватизации земельного участка сельскохозяйственного назначения (угодий) или нет, остается открытым.

Ключевые слова: приватизация, земли сельскохозяйственного назначения, частная собственность, земельное и гражданское законодательство.

Введение. Российская Федерация обладает самым крупным по площади земельным фондом в мире. Среди основных категорий земельных участков выделяются земли сельскохозяйственного назначения. Благодаря использованию этих земель, а также за счет плодородия земель данной категории осуществляется производство сельскохозяйственной продукции для населения, обеспечивается продовольственная безопасность и продовольственная независимость Российской Федерации. В начале 90-х годов прошлого столетия начался процесс перехода от плановой экономики к рыночной. Он ознаменовался приватизацией заводов, фабрик, жилищного фонда и других объектов недвижимости. Не остались в стороне и земельные участки, в том числе земли сельскохозяйственного назначения. Процесс приватизации земель сельскохозяйственного назначения характеризовался сложностями правового, организационно-управленческого и социально-экономического характера. Не решены эти проблемы и в настоящее время.

Результаты.

Организационно-правовой механизм обеспечения приватизации земель сельскохозяйственного назначения — это совокупность элементов, информационного, организационно-технического, организационно-управленческого характера, обеспечивающих реализацию правового регулирования процесса приватизации земель сельскохозяйственного назначения. Характеристики земель сельскохозяйственного назначения в количестве и качестве имеют важное значение для улучшения благосостояния экономики государства. Тем не менее, нередко значительная часть условий обеспечения приватизации земель сельскохозяйственного назначения зависит от условий использования частных земель (например, удержание паводков, связывание углерода, очистка воды). В этом контексте введение в действие и реализация концепции организационно-правового механизма обеспечения приватизации земель сельскохозяйственного назначе-

ния может вступать в противоречие с законными правами собственности.

Понятие приватизации происходит от латинского «приват», что в переводе означает «частный». Процесс приватизации является обратным процессом процессу национализации, который предполагает переход вещи из частной собственности в государственную [2]. Приватизация земель сельхозназначения является процессом, который должен быть урегулирован нормами не только земельного права, но и нормами гражданского законодательства. Земля является сложным правовым объектом, которые с одной стороны выступает в качестве природного ресурса, природного объекта, а с другой стороны является объектом недвижимости.

Как известно любые сделки с недвижимостью имеет ряд характерных правовых особенностей и юридических условий. Земельное и гражданское законодательство предусматривает ряд требований применительно к сделкам с земельными участками [3]. Вместе с тем для осуществления приватизации земельных участков сельскохозяйственного назначения необходимо наличие соответствующих правовых оснований, закрепленных в основном законе государства — Конституция Российской Федерации, гражданском законодательстве и земельном законодательстве.

В советское время приватизация земель сельскохозяйственного назначения не представлялась возможной. Собственность по законодательству СССР могла быть только государственной. Приватизация земель сельскохозяйственного назначения как явление стало характерным для Российской Федерации после распада СССР [4].

После распада СССР в правовом поле Российской Федерации была разглашена идея многообразия форм собственности [5]. В соответствии с принципом плюрализма форм собственности, в Конституции Российской Федерации закрепились многообразие форм собственности на землю: государственная, которая в свою очередь подразделялись на собственность Российской Федерации и собственность субъектов Российской Федерации, муниципальная собственность, частная собственность и т. д. Перечень видов форм собственности на землю не является исчерпывающим.

Заключение.

Понятие приватизации земель сельскохозяйственного назначения означает переход права собственности на земли сельскохозяйственного назначения из государственной(публичной) собственности в частную. Правовое значение приватизации земель сельскохозяйственного

назначения заключается в том, что именно данный процесс способствует более эффективному формированию рынка земли, соответственно повышению производительности использования земель сельскохозяйственного назначения.

Во многих странах с переходной экономикой по всему миру правительство и государственные земельные агентства продолжают вмешиваться в рынок сельскохозяйственных земель. Например, в постсоциалистических странах частые правовые изменения затрагивают, например, структуру собственности на сельскохозяйственные земли и площадь сельскохозяйственных угодий. Необходимым считаем предложить метод исследования влияния правовых инструментов на процесс преобразования государственных сельскохозяйственных земель. Поскольку правовые нормы влияют на различные сферы жизни, и такие эффекты можно измерить в разных шкалах или в разных диапазонах, индикатор динамики, используемый в этом исследовании, служит адекватным инструментом для изучения и сравнения изменений, происходящих с течением времени.

Приватизация земель сельскохозяйственного назначения осуществляется посредством реализации правовых норм как регулятивного, так и охранительного характера. Правовые нормы, регулирующие приватизацию земель сельскохозяйственного назначения содержатся в положениях гражданского, земельного, административного и иного отраслевого законодательства.

Библиографический список

1. Андреев Ю. Н. Приватизация земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения // *Аграрное и земельное право*. 2008. № 6(42). С. 39–61.
2. Анисимов А. П. Правовые проблемы приватизации гражданами земельных участков из состава категории земель сельскохозяйственного назначения // *Юрист*. 2005. № 5. С. 18–27.
3. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А., Черноморец А. Е. Правовое регулирование залога сельскохозяйственных земель на современном этапе аграрной реформы: проблемы и перспективы // *Российская юстиция*. 2010. № 7. С. 16–25.
4. Бабенко Р. В. Оценка долей из земель сельскохозяйственного назначения: выдел доли // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2012. № 12. С. 77–94.
5. Баев В. Г., Фролов С. А. Организационно-правовые аспекты совершенствования ипотечного кредитования земель сельскохозяйственного назначения в России // *Современное право*. 2016. № 8. С. 86–91.

Гончарова С. В.,
студентка 3-го курса
факультета мировой экономики и права.
Сибирский государственный университет путей сообщения,
Новосибирск
goncharova.sofiy@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ НЕГАТОРНОГО ИСКА

Аннотация. В статье приведен анализ основных положений законодательства о негаторном иске. Проанализированы недостатки формулировки статей 304 ГК и 305 ГК. Предложен вариант модернизации законодательных норм.

Ключевые слова: негаторный иск, препятствия пользования имуществом, собственник.

Негаторный иск является способом защиты субъективных прав. Такая форма защиты была заимствована из римского права, на что указывает название иска и история становления романо-германской правовой системы.

Суть данного иска заключается в устранении препятствий по пользованию собственностью имущества без лишения владения. Направленность иска не только в устранении препятствий, но и их последствий, которые препятствуют пользованию собственностью. Истцом, согласно статье 305 ГК РФ [1], может быть любой титульный владелец, то есть лицо, которое владеет собственностью по договору или исходя из закона. Следовательно, негаторный иск о защите земельного участка, сданного в аренду, может подать как собственник, так и арендатор.

Перечень условий для удовлетворения такого иска закреплен в абзаце 2 п. 45 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [2]:

1. Истец доказал, что он является собственником исходя из закона или договора.

2. Доказано, что действие (бездействие) ответчика нарушает законное владение собственностью, хотя при этом и не лишают права владения. Бездействие в данном случае может быть выражено в неустранении неблагоприятных последствий, которые препятствуют законному владению.

Действительность действия или бездействия должна основываться на степени причиненного вреда. Степень вреда коррелирует с привычным укладом жизни: так, к примеру, жители больших городов вынуждены терпеть выхлопные газы и шум автострады.

3. Установлена неправомерность действий ответчика (например, нарушение строительных норм при возведении хозяйственной постройки на участке). В случае же, если действия ответчика признаются правомерными, истец может обратиться за защитой нарушенных прав и оспариванием правомерности действий ответчика.

Поскольку такие правонарушения по негаторным искам признаются длящимися, законодатель не распространяет исковую давность на подачу иска. Позиция законодателя считается наиболее правильной, так как при длящемся нарушении права или при систематическом препятствии в пользовании вещью в любой момент собственник может подать исковое заявление о требовании устранения неудобств. Не препятствуют подаче иска обстоятельства, имеющие длящийся характер, но которые на протяжении долгого времени устраивали собственника. Такое уточнение вносит п. 48 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. [2], который говорит о том, что при отсутствии возражений предыдущего собственника и покупке, к примеру, земельного участка с препятствиями к пользованию собственностью, не лишает нового собственника права предъявить иск. Еще одной существенной особенностью негаторного иска является его расширенное толкование как в науке гражданского права, так и на практике. Возникает оно из-за того, что в Гражданском кодексе РФ представлено всего два вещно-правовых иска: виндикационный и негаторный. В силу того, что виндикация относится к лишению владения, все иное, что не предусматривает такого лишения, относят к негаторным спорам. Возникает это также и из-за неточной формулировки самой статьи 304 ГК РФ [1]: словосочетания «хотя бы» и «всяких нарушений» могут порождать расширенную трактовку, которая неизбежно приведет к нецелесообразности использования негаторных исков, что выражается в чрезмерной универсальности применения такого вида защиты вещного права.

Поэтому существует необходимость в сужении сферы применения иска, закреплении сфер правонарушений, в которых может быть применен негаторный иск, а также в некотором изменении статьи 304 ГК РФ. Например, сформулировав ее следующим образом: «Собственник или титульный владелец вправе обратиться в суд с требованием об устранении неправомерных длящихся действий (бездействий) или их последствий, которые препятствуют законному пользованию, но не влекут лишения владения».

Подводя итог, подчеркнем, что отсутствие точных ответов на вопросы в законодательстве порождает ряд сложностей при разрешении споров в судах, но при этом оставляет предмет для дискуссий правоведов.

В статье были проанализированы недостатки правового закрепления определения негативного иска, неточности трактовки, а также некоторые особенности: условия действительности, исковая давность.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 12.05.2020) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

2. Постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/ow№/8097/> (дата обращения: 08.10.2021).

3. Живихина И. Б. Учение В. А. Тарханова и В. А. Рыбакова о понятии, формах и способах защиты права собственности и иных вещных прав // Юридическая наука. 2017. С. 45–47.

4. Чиниев Д. А. Защита прав и интересов собственника — необходимое условие осуществления права собственности // Актуальные проблемы права : мат-лы IV Междунар. науч. конф. (Москва, ноябрь 2015 г.). М. : Буки-Веди, 2015. С. 151–155.

УДК 343.131

Гриценко Н. С.,

аспирант 1-го курса.

Н.Р.: Назаров А. Д., д-р юрид. наук, профессор.

Юридический институт Сибирского федерального университета,

Красноярск

nikita.grizenko@mail.ru

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье исследуются подходы к определению категориального аппарата коллегияльности в уголовном судопроизводстве. Выделены особенности и недостатки законодательного регу-

лирования рассматриваемого вопроса. На основании комплексного анализа норм уголовно-процессуального законодательства, статистических данных, позиций ученых автор приходит к выводу, что в современных реалиях нецелесообразно относить коллегиальность к самостоятельному принципу уголовного судопроизводства. Автором сделан вывод о необходимости отнесения коллегиальных и единоличных начал в разряд общих условий судебного разбирательства, предложены соответствующие изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: уголовный процесс, коллегиальность, общие условия судебного разбирательства, принцип уголовного процесса, коллегиальное правосудие, состав суда.

«В одиночку с завязанными глазами в лучшем случае попадешь в цель лишь случайно» [20, с. 181], — именно так описывал известный немецкий криминолог Пауль Иоганн Ансельм фон Фейербах рассмотрение уголовного дела судьей единолично, отдавая приоритет коллегиальному осуществлению правосудия. Его слова не потеряли актуальности и по сей день. Так, в п. 6 Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 11.09.1995 № (95) 12 декларируется, что в целях надлежащего рассмотрения различных категорий дел судьям... уже с начальных этапов судопроизводства следует «рассматривать дела на дифференцированной основе» [12].

Несмотря на закрепление в ч. 1 ст. 30 УПК РФ нормы о том, что рассмотрение уголовных дел осуществляется судом коллегиально или судьей единолично, в науке уголовного процесса нет однозначного мнения о правовой природе коллегиальности: является ли она принципом или иной категорией?

Важно подчеркнуть, что подход к пониманию сущности коллегиальности находится в прямой зависимости от целого ряда условий и факторов, изменение которых влияло на уголовный процесс в целом. К таким факторам можно отнести: политический строй, структура действующего уголовно-процессуального законодательства, правоприменительная практика. Такая зависимость обусловлена тем, что развитие общества и государства вынуждает законодателя модифицировать уголовно-правовое законодательство с целью приведения его в соответствие с общественными правоотношениями.

Стоит отметить, что ни УПК РФ, ни иное отечественное законодательство не содержит легального определения одного из фундаментальных терминов уголовно-процессуального законодательства — принципа.

Большинство ученых-процессуалистов выделяют следующие признаки (свойства) принципов в уголовном процессе:

1) Нормативный характер, т. е. фиксация в норме уголовно-процессуального законодательства;

2) Обеспечивают реализацию назначения уголовного судопроизводства [17, с. 58];

3) Догматичность, т. е. принципы первичны и самостоятельны, не могут быть выведены из иных норм, в том числе и из иных норм-принципов [16, с. 10];

4) Универсальность, т. е. принцип должен находить свою реализацию в основных стадиях процесса или только в стадии судебного разбирательства [1, с. 84].

Так, В. В. Вандышев включает в число уголовно-процессуальных принципов в качестве самостоятельного сочетание единоличного и коллегиального начал [5, с. 31]. По мнению профессора, указанный принцип широко находит свое проявление как в судебной стадии, так и в досудебной. Аналогичного мнения придерживаются и А. С. Шаталов [18, с. 78], Ю. К. Якимович, Т. Д. Пан [19, с. 63–64], Н. В. Борисова [4], П. М. Давидов [6, с. 58].

М. Х. Каракчиев рассматривал коллегиальность как форму реализации субъектами уголовного процесса своих полномочий, направленных на обеспечение законности, т. е. связывал ее с проявлением принципа состязательности. По мнению автора, коллегиальность представляет собой функцию «коллективного разума», значение которого заключается в обеспечении гарантий объективности и справедливости итогового решения [7, с. 107].

Д. А. Лыков, исследуя генезис и сущность коллегиальности в отечественном уголовном судопроизводстве, выдвигает тезис о том, что коллегиальность при рассмотрении уголовного дела следует считать одним из начал уголовного судопроизводства наряду с категориями «публичное» и «частное» [8]. Автор считает, что коллегиальность как начало уголовного судопроизводства составляет форму уголовного судопроизводства, определяет назначение как всего уголовного процесса, так и его отдельно взятой стадии.

А. А. Тарасов считает, что сочетание единоличного и коллегиального в уголовном процессе следует рассматривать как одно из общих условий судебного разбирательства, которое обеспечивает реализацию принципов независимости судей и осуществления правосудия только судом [15, с. 9].

В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова относят коллегиальность к важнейшим процессуальным гарантиям [3, с. 99].

Позиция советских ученых, относящих в число самостоятельных принципов уголовного процесса коллегиальность, представляется нам более чем обоснованной: указанный принцип находил свое отражение в статье 154 Конституции СССР 1977 года, а также прямо закреплялся в ст. 15 УПК РСФСР 1960 г.

Однако с 1993 года тенденция расширения коллегиальности в отечественном уголовном процессе приняла обратное направление. Законом РФ от 16.07.1993 № 5451-1 устанавливалась возможность рассмотрения уголовных и гражданских дел в судах первой инстанции как коллегиально (коллекцией из трех профессиональных судей, с участием присяжных либо народных заседателей), так и единолично судьей. Конституция РФ уже не содержала положения о коллегиальности: как и в принятом 18 декабря 2001 года УПК РФ в главе 2 отсутствовала коллегиальность как самостоятельный принцип. Правоприменители широко использовали нововведения в законодательстве. Так, в первой инстанции коллегиальным составом суда в 1993 г. рассмотрено 77 % уголовных дел, в 1994 г. — 63 %, в 1995 г. — 64 %, в 1996 г. — 61 % [11, с. 52].

Анализ судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей показал, что за 2020 год в первой инстанции коллегиально рассмотрено 0,17 % от общего количества дел (0,07 % — тремя профессиональными судьями, 1 % — коллекцией присяжных заседателей) [14], что подтверждает радикальную смену парадигм российского правосудия от традиционной коллегиальности к единоличному рассмотрению уголовного дела.

По справедливому мнению А. Д. Бойкова, «теперь мы имеем новый, необычный суд, осуществляемый государственным чиновником единолично, часто даже не в зале судебных заседаний, а в служебном кабинете с максимальным упрощением процедуры. Принцип коллегиальности правосудия теперь не упоминается даже в учебниках» [2].

Представляется интересным следующий вывод В. А. Михайлова о том, что «новые правила о пропорциях коллегиального и единоличного при осуществлении правосудия как результат почти полного уничтожения коллегиальности за счет экспансии единоличного правосудия неправомерно относить к категории принципов уголовного процесса, при этом не столько потому, что данные правила не действуют на всех стадиях уголовного процесса, сколько потому, что законодательная регламентация данных правил обусловлена не объективной потребностью общества в свертывании коллегиальности при осуществлении правосудия, а мотивами субъективного характера, к важнейшим из которых я отношу: а) изгнание из уголовного судопроизводства

представителей народа в угоду так называемой экономической элиты, разбогатевшей за счет преступного захвата объектов государственной и общественной собственности и потому не заинтересованной в народном контроле за правосудием; в) малочисленность судейского корпуса; г) нехватку материальных ресурсов; д) стремление современных правителей решать неправовыми мерами правовые и социальные проблемы переполненности следственных изоляторов и мест лишения свободы и т. п.» [9].

В силу вышеизложенного, анализируя актуальное законодательство, позиции ученых-теоретиков и правоприменительную практику, можно говорить о том, что в настоящее время преждевременно относить коллегиальность к самостоятельному принципу.

Помимо принципов как исходных и фундаментальных правовых идей, науке уголовно-процессуального права известна такая категория, как общие условия судебного разбирательства, под которыми понимаются вторичные, вытекающие из принципов правовые идеи, предназначенные для обеспечения и гарантии их реализации, а также дающие разъяснение тех или иных положений принципов, обеспечивают правильное и единообразное понимание и исполнение [13].

Действительно, коллегиальность иллюстрирует принцип осуществления правосудия только судом, поскольку представляет собой одну из форм состава суда, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

Коллегиальный состав суда гарантирует принцип независимости: каждый из членов судейской коллегии самостоятельно на основе своего внутреннего убеждения, чувствуя личную ответственность, формирует мнение по уголовному делу вне зависимости от позиции остальных судей (в том числе и председательствующего), которое влияет на конечное коллегиальное решение [15, с. 11].

Коллегиальное отправление правосудия является проявлением принципа законности, так как способствует более тщательному исследованию доказательств, снижению влияния субъективного фактора и количества судебных ошибок [10, с. 255], что в результате позволяет обеспечить принятие законных обоснованных и справедливых решений.

Однако, на наш взгляд, рассматривать коллегиальное отправление правосудия как общее условие следует лишь в совокупности с единоличным: во-первых, данные категории обеспечивают действие аналогичных принципов, во-вторых, дуалистически раскрывают содержание одних и тех же уголовно-процессуальных институтов (ст. ст. 30, 31, 65, 242, 301 УПК РФ и др.).

Обобщая вышесказанное, предлагается внести следующее предложение по совершенствованию действующего законодательства: в виду того, что общее условие неизменности состава суда напрямую следует из формы состава суда, которая интерпретируется коллегиальным и единоличным, считаем возможным статью 242 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 242. Единоличное и коллегиальное рассмотрение уголовного дела.

1. Уголовные дела рассматриваются единолично или коллегиально в соответствии с правилами, установленными статьей 30 настоящего Кодекса. Коллегиальное рассмотрение уголовных дел осуществляется судом в составе коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции либо судьей федерального суда общей юрисдикции и коллегией присяжных заседателей.

2. Уголовное дело рассматривается одним и тем же судьей или одним и тем же составом суда.

3. Если кто-либо из судей лишен возможности продолжать участие в судебном заседании, то он заменяется другим судьей и судебное разбирательство уголовного дела начинается сначала».

Библиографический список

1. Барабаш А. С. О способе закрепления содержания принципа уголовного процесса, сфере его применения и его адресатах // Российский юридический журнал. 2018. № 3 (120). С. 72–84.

2. Бойков А. Д. К вопросу о гласности правосудия // Мировой судья. 2010. № 2. С. 10.

3. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова [и др.]. М. : Инфра-М, 2001. 623 с.

4. Борисова Н. В. Вопросы коллегиальности суда при рассмотрении уголовных дел в апелляционной инстанции // Образование и право. 2017. № 9. С. 160–164.

5. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части : учебник для юридических вузов и факультетов. М. : Контракт, Волтерс Клувер, 2010. 720 с.

6. Давыдов П. М. Принципы советского уголовного процесса : учеб. пособие. Свердловск : Уральский рабочий, 1957. 145 с.

7. Каракчиев М. Х. Коллегиальность и состязательность в оценке доказательств по уголовным делам // Проблемы состязательного правосудия : сб. науч. тр. / под ред. В. Л. Будникова. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. С. 101–107.

8. Лыков Д. А. Правовая природа коллегиальности рассмотрения уголовных дел в отечественном уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2(53). С. 79–86.

9. Михайлов В. А. Отзыв официального оппонента на диссертацию А. А. Тарасова «Правовые и социально-психологические проблемы сочетания единоличных и коллегиальных начал в уголовном процессе Российской Федерации», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 — Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность // Публичное и частное право. 2013. № 1(17). С. 107–133.
10. Назаров А. Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. М., 2002. 321 с.
11. Ничипоренко Т. Ю. Единоличное рассмотрение судьей уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 307 с.
12. Рекомендации R (95) 12 Комитета министров государств-членов «Об управлении уголовным правосудием» // Российская юстиция. 1997. № 11. С. 4.
13. Пикалов И. А. О принципах и общих условиях уголовного судопроизводства // Вестник Курганского государственного университета. 2006. № 3 (7). С. 96–100.
14. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 23.11.2021).
15. Тарасов А. А. Правовые и социально-психологические проблемы сочетания единоличных и коллегиальных начал в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 23 с.
16. Тыричев И. В. Принципы советского уголовного процесса. М. : Юрид. лит., 1983. 80 с.
17. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. 287 с.
18. Шаталов А. С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебный курс : в 3 т. Т. 1. Общие положения. М. — Великий Новгород : ИД МПА-Пресс, 2012. 742 с.
19. Якимович Ю. К., Пан. Т. Д. Судебное производство по УПК Российской Федерации. Спб. : Юридический центр Пресс, 2005. 249 с.
20. Feuerbach P. J. A. Betrachtunge n über das Geschwornen-Gericht. Landshut, 1813. 242 s.

Данакари Л. Р.,

канд. филос. наук, доцент.

Волгоградский государственный университет, Волгоград

liliya.danakari@yandex.ru;

Ермоченко К. П.,

студент 5-го курса.

Брянский государственный университет

имени академика И. Г. Петровского, Брянск

ermochenko.konstantin@gmail.com;

Ивентьев С. И.,

юрисконсульт, теолог, специалист

в сфере национальных и религиозных отношений

ООО «ДЭЛИЛ», Казань

sergei-zsk@mail.ru

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Рассматриваются вопросы регулирования информационного пространства духовно-нравственной сферы человека и общества. Авторами обращено внимание на необходимость принятия правовых мер по защите души человека от негативной информации, а также от посягательств на нее.

Ключевые слова: человек, душа человека, духовно-нравственная сфера человека, информационное пространство, право, правовое регулирование.

Как верно отмечает И. Н. Сенин, «в современном обществе, включая российское, среди многочисленных социальных норм все большее значение приобретает право, выступающее наиболее действенным, универсальным регулятором общественных отношений» [5, с. 16]. При этом нельзя не учитывать значимость норм морали и нравственности для государства и общества.

«Правовое регулирование — это воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения и развития, осуществляемое при помощи системы правовых средств, представляющих собой многообразные правовые явления, такие как нормы права, юридические факты, правоотношения, индивидуальные предписания, акты реализации прав и обязанностей. Иначе говоря, право — это не только нормы, но и вся

совокупность связанных с ними юридических явлений (средств), составляющих элементы правового регулирования» [5, с. 16]. «Правовое регулирование, без сомнения, должно соответствовать сложившимся экономическим условиям, моральным ценностям, обеспечивать реальную защиту прав большинства граждан, исходить из общественных потребностей, обеспечивая исполнение предписаний норм права в правоотношениях на основе законности, т. е. режима строгого и неуклонного соблюдения и исполнения норм права гражданами, общественными организациями, органами местного самоуправления, государственными органами и должностными лицами всех ветвей государственной власти — судебной, законодательной, исполнительной» [5, с. 18].

Информационное пространство, являясь совокупностью семантической деятельности человека, образует особое пространство с целью создания, перемещения и потребления информации. В настоящее время информационное пространство обеспечивает эффективное протекание информационных взаимодействий во всех сферах жизнедеятельности общества и публичной власти.

В научной среде понятие «информационное пространство» было использовано впервые редактором журнала «Информационные ресурсы России» О. В. Кедровским [7]. Появление понятия информационное пространство обусловлено возросшей потребностью общества в коммуникации и в непрерывном информировании.

В работе В. Л. Гирича и В. Н. Чуприной «Глобальное информационное пространство и проблема доступа к мировым информационным ресурсам» дано следующее определение: «Информационное пространство — совокупность информационных ресурсов и инфраструктур, которые составляют государственные и межгосударственные компьютерные сети, телекоммуникационные системы и сети общего пользования, иные трансграничные каналы передачи информации» [3].

Н. Н. Ковалева отмечает, что информационное пространство страны одновременно является и сферой реализации государственной информационной политики, и объектом управляющего воздействия [6].

Современный этап развития правового регулирования общественных отношений во многих сферах характеризуется тенденцией «суверенизации». Глобалистические подходы конца XX — начала XXI вв., связанные с усилением международно-правового регулирования, сменяются возвратом к национально-правовому (внутригосударственному) регулированию.

В настоящее время в России также идет формирование законодательных инициатив, направленных на обеспечение целостности, непрерывности, стабильности, устойчивости и защищенности

функционирования российского национального сегмента информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры.

Так, 8 ноября 2021 г. президент РФ В. В. Путин подписал указ «Об утверждении основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» [10]. «Мы — сторонники равенства, порядка и взаимного уважения в информационной сфере», — подчеркнул он, давая свои комментарии к указу. Документом предусматривается формирование «единого цифрового информационного пространства» с использованием существующих государственных информационных систем (ГИС) и информационных ресурсов органов публичной власти, а также инфраструктуры, которая обеспечивает их взаимодействие.

Создание единого цифрового информационного пространства в представлении авторов необходимо для повышения качества стратегического управления в стране, а также совершенствования контроля информационных потоков и более эффективного применения сведений, хранящихся в ГИС и информационных системах (ИС) организаций с госучастием.

К сожалению, «электронный мир» нередко используется различными политическими силами как главный инструмент для террористической, экстремистской пропаганды и культивирования идей, распространения своих взглядов среди населения, осуществления деятельности различных преступных группировок, включая киберэкстремизма. Тот факт, что основные негативные силы создают свои собственные идеологические платформы в Интернете, осуществляют широко распространенный информационный террор — «электронный джихад», новые угрозы и вызовы глобальной и региональной безопасности — создает проблемы для духовно-нравственной и информационной безопасности человека [9, с. 48–54].

Интернет является быстрым, рентабельным и прозрачным, за исключением скрытой «Темной сети» («Даркнет») [4, с. 209–216], практически не контролируется, имеет пользователей по всему миру, быстро и дешево распространяет информацию, организует группы единомышленников, общается анонимно, не может идентифицировать первоисточник, дает возможность незаконного доступа к компьютерам стратегических и военных объектов и организаций, жизнеспособности коммуникационных сетей, что привлекает экстремистские и террористические организации, а также различных злоумышленников и мошенников [9, с. 48–54].

В настоящее время имеет место тенденция «привязки» информационного пространства к государственной территории посредством

определения территориальности информационной инфраструктуры, а также развития именно внутригосударственного регулирования ее правового режима.

В России, согласно Конституции РФ, публичной функцией государства является защита нравственности и духовно-нравственных ценностей. Иначе говоря, государство фактически обязано обеспечивать защиту духовно-нравственной сферы человека и общества от посягательств и негативного внешнего влияния, включая информационное.

Под духовно-нравственной сферой человека понимается «духовное и нравственное пространство, формируемое человеком, его душой и духом, в котором проявляются и реализуются морально-нравственные наклонности и качества человека, духовные ценности и потребности, его мировоззрение, уровень духовного и нравственного сознания» [1, с. 123–131].

К духовно-нравственной сфере человека также относится душа человека, которая представляет собой Божественную и духовно-нравственную ценность, нематериальное благо человека [5, с. 59–63].

Душа человека — главная духовно-нравственная ценность, которая, как и сам человек, подлежит защите [2, с. 62–65].

Вызывают озабоченность и тревогу факты торговли душой человека, которая происходит через информационное пространство (Интернет), а также удержания души человека в неволе и рабстве [8, с. 80–134]. Душа превращается в обычный товар, которым можно торговать, тем самым принижая ее бесценность и важность для человека. По настоящее время данный вопрос так и не нашел какой-либо отклик со стороны государства, в частности, не были закрыты сайты, занимающиеся продажей душ человека, на законодательном уровне не была пресечена бездуховная, безнравственная и противоправная деятельность по продаже человеческой души.

Не вызывает сомнения, что информационное пространство подлежит правовому регулированию. Но при этом государством должны учитываться духовно-нравственные аспекты информационного пространства, его влияние на душу человека.

Однозначного ответа у государства, как защищать духовную сущность человека, именно его душу от негативной информации, противоправного посягательства на нее в виртуальном пространстве, нет.

Государство не определилось, обеспечивать ли правовой защитой душу человека от негативного влияния виртуального пространства, и в какой сфере: публичных или частно-правовых отношений — эта защита будет находиться. По нашему мнению, защита души человека должна быть отнесены к публичным функциям государства.

Таким образом, перед российским законодателем возникла необходимость в незамедлительном принятии на законодательном уровне мер по правовой защите души человека от негативного воздействия информационного пространства, а также от бездуховных и безнравственных действий по превращению ее в товар.

Библиографический список

1. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Духовно-нравственная инновационная деятельность // Вторые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова : мат-лы конф. 6 и 14 октября 2020 г. / отв. ред. и сост. М. Ю. Спирын. Иркутск : Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2021. С. 123–131.

2. Боброва Н. А., Ивентьев С. И. Человеческая душа как главная духовно-нравственная ценность человека // Философия человека : мат-лы Второго научного симпозиума (Таганрог, 11–12 октября 2019 г.) / отв. ред. В. П. Рыжов. Таганрог : Типография Ступина С. А., 2019. С. 62–65.

3. Гирич В. Л., Чуприна В. Н. Глобальное информационное пространство и проблема доступа к мировым информационным ресурсам // Российская государственная библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://www.rsl.ru/upload/mba2007/mba2007_05.pdf (дата обращения: 29.11.2021).

4. Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект цифрового общества // Информационное общество: пределы и риски — прошлое, настоящее, будущее : мат-лы V Междунар. науч. конф. Гуманитарные Губкинские чтения (Москва, 3 апреля 2020 г.). Ч. 1. / отв. ред. О. М. Смирнова; ред.: М. Б. Балычева, Н. П. Рябчун. М. : ИЦ РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2020. С. 209–216.

5. Ивентьев С. И. Духовно-нравственная сфера исторических обществ // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако : мат-лы II Междунар. науч. конф. 24–27 мая 2018 г. / отв. ред. В. Ю. Стромов. Тамбов : ИД «Державинский», 2018. С. 59–63.

6. Ковалева Н. Н. Объекты информационного пространства в структуре государственного управления в информационной сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 6. С. 104–106.

7. Кедровский О. В. Информационное пространство России // Информационные ресурсы России. 1994. № 4. С. 2–3.

8. Колесниченко О. Ю. Рецензия на статью С. И. Ивентьева «Духовно-нравственный и правовой аспект сделки купли-продажи души человека» // Культура. Духовность. Общество. Современность : сб. мат-лов III Междунар. науч.-практич. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2017. С. 80–134.

9. Мухамеджанова Л. А., Шкуран О. В., Ивентьев С. И. Тенденции изменения этических норм в информационном обществе // Социальная реальность виртуального пространства : мат-лы III Междунар. науч.-практич. конф. (Иркутск, 20 сентября 2021 г.) / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 48–54.

10. Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/?b> (дата обращения: 29.11.2021).

11. Сенин И. Н. Правовое регулирование и правовая система // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т. 21. № 1. С. 16–20.

УДК 347.9

Жуковина М. Г.,

магистрант 1-го курса Юридического института.
Владивостокский государственный университет

экономики и менеджмента,

Владивосток

zhukovinamasha@bk.ru;

Бабкин В. А.,

аспирант 2-го курса.

Институт истории, археологии и этнографии

народов Дальнего Востока

Дальневосточного отделения

Российской академии наук, Владивосток

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ОТКРЫТОСТИ И ГЛАСНОСТИ

Аннотация. Цифровизация один из главных трендов настоящего времени, который оказывает большое влияние на общества граждан в разных точках мира. Использование цифровых технологий для хранения, обработки и передачи информации стало неотъемлемой частью жизни людей, оказало влияние и на сферы их жизни, поскольку многие операции, к примеру, получение справок, оплата коммунальных платежей, переводы, покупка товаров/услуг и другое стали доступнее благодаря цифровизации.

В настоящей статье рассмотрен термин «электронное правосудие». Раскрывается сущность, особенности и преимущества электронного правосудия, а также тенденции развития. Авторами обращается внимание на основополагающие принципы российского судопроизводства — принципы гласности и открытости. Также были проанализированы основные современные проблемы, связанные с внедрением большего спектра возможностей цифровой судебной системы.

Ключевые слова: электронное правосудие, цифровая судебная система, Гражданский процессуальный кодекс РФ, цифровизация, электронный документооборот.

С развитием цифровых технологий появилось такое явление, как электронное правосудие, которое регулируется законодательством об электронном документообороте.

Термин «электронное правосудие» (*e-justice*) уже устоялся, и под ним традиционно понимается способ осуществления правосудия, основанный на использовании современных информационно-коммуникационных технологий и имеющий своей целью обеспечение гласности, открытости и доступности судопроизводства [1].

Проблемы цифровизации исследовались следующими авторами: А. А. Алексева, О. В. Егоровой, С. П. Ворожбит, В. А. Лаптевым, О. С. Смолиной, Л. И. Носенко, А. Н. Приженниковой.

Следует отметить важное событие в истории цифровизации судебной системы — принятие Правительством Российской Федерации Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы». Программа представляет порядок мероприятий, способствующих созданию электронной судебной системы, цифровые технологии которой содействуют использованию таких электронных процессуальных возможностей, как направление процессуальных и внепроцессуальных документов в судебные органы, а также размещение в открытом доступе принятых по делам судебных актов.

Для исследования электронного правосудия необходимо изучить термин «правосудие» в соответствии с современной юридической литературой. Само понятие «правосудие» не закреплено в действующем законодательстве. Однако в ч. 1 ст. 118 Конституции РФ установлено, что правосудие в РФ осуществляется только судом [7]. Можно выделить основные черты правосудия — это законность, обоснованность, объективность, справедливость, полнота, своевременность и точность.

Цифровая платформа «электронное правосудие» — это инструмент осуществления правосудия в рамках современного высокотехнологичного мира. Электронное судопроизводство, безусловно, реализует главные принципы — гласность, открытость, доступность.

Часть 1.1 ст. 3 Гражданского процессуального кодекса РФ устанавливает, что исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы могут быть поданы в суд на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью в порядке, установленном законодательством РФ, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [8].

Аналогичные положения закреплены в ч. 1 ст. 125 Арбитражного процессуального кодекса РФ, согласно которой исковое заявление мо-

жет быть подано в арбитражный суд посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также в ч. 8 ст. 125 Кодекса административного судопроизводства РФ, согласно которой административное исковое заявление может быть подано посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Таким образом, почти все процессуальные кодексы содержат положение о возможности подачи искового заявления в суд в электронной форме, что позитивным образом сказывается на доступности правосудия.

Началом реализации цифровизации судебной системы можно считать принятие Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Это один из важных этапов становления информационной открытости и гласности российского правосудия.

Действующим законодательством закреплены принципы открытости и гласности при рассмотрении дел в судах общей юрисдикции. Открытость судопроизводства повышает качество правосудия, совершенствует судебную систему и увеличивает доверие населения [5].

Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» устанавливает порядок документооборота в электронном формате посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в связи с чем расширились процессуальные возможности в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, внедрены электронные системы в гражданский и административный процессы.

В результате реализации программы по созданию интернет-портала Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» сегодня находятся в общем доступе интернет-сайты федеральных судов общей юрисдикции, интернет-сайты мировых судей с полной картотекой дел. Открытый доступ позволяет любой заинтересованной стороне или наблюдателю следить в онлайн-режиме за ходом дела, кроме того, появилась возможность ознакомиться с обезличенными судебными актами. Соответственно, цифровизация судебной системы делает судебную систему более открытой и доступной для граждан, кроме того, безусловно, электронный документооборот — это более ускоренный процесс.

Сегодня готовится множество поправок в Гражданско-процессуальный кодекс РФ, регулирующих нововведения в условиях цифровизации судебной системы, к примеру, подача заявления через «Единый

портал государственных и муниципальных услуг (функций)», проведение судебного заседания через систему веб-конференции и т. д.

Однако электронное правосудие и его развитие важны не только с точки зрения ускорения документооборота в рамках судебного процесса, но и как способ формирования доверия граждан к судам.

Как отмечают исследователи, информатизация важна и необходима судебной системе, она отвечает потребностям времени с учетом развития научно-технологического прогресса [2; 4–5].

Исследователи выделяют ключевые проблемы, связанные с реализацией электронного правосудия:

1. Отсутствие:

- реализации в правовом поле блокчейн-системы;
- технологий, направленных на реализацию обработки больших объемов поступающих данных;
- технологий удаленного хранилища информации;
- общего интерфейса обмена данными.

2. Возможный отказ от традиционного документа оборота в результате ориентированности на цифровизацию.

3. Недостаточный уровень подготовки кадров [1].

Многими исследователями указывается проблема, связанная с защитой данных, информационной безопасностью.

Отдельно следует отметить проблему нумерации судебных актов судов общей юрисдикции, поскольку п. 3.13 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной приказом Судебного департамента от 29.04.2003 № 36, утвержден примерный перечень индексов дел. Основная сложность заключается в том, что, в отличие от системы арбитражных судов Российской Федерации, присваиваемые индексы в судах общей юрисдикции являются общими для всех судов общей юрисдикции, в результате чего для поиска судебного акта необходимо знать суд, принявший судебный акт, индекс дела, его номер и год принятия судебного акта, в то время как для поиска судебного акта в системе арбитражных судов необходимо знать только номер дела. При этом в системе арбитражных судов по уникальному номеру дела можно найти все судебные акты, принятые по делу, в том числе апелляционные и кассационные определения.

Заслуживает внимания и проблема каталогизации судебных актов, поскольку в Государственной автоматизированной системе Российской Федерации (далее – ГАС) «Правосудие» судебные акты не разделены по каталогам, что затрудняет поиск судебных актов со схожим предметом и сужает возможность общественного контроля судебной системы.

Наравне с изложенным необходимо отметить и несвоевременное размещение судебных актов на официальных сайтах судов, а также их последующее размещение в ГАС «Правосудие», что, с одной стороны, увеличивает сроки рассмотрения дела для сторон судопроизводства, с другой — создает для общества препятствия в получении актуальных сведений о принятых судебных актах.

Однако при всех существующих проблемах, вне зависимости от их масштабности и существенности, цифровизация судебной системы, даже только в части размещения в свободном доступе судебных актов, обеспечивает доступность правосудия, открытость судебной системы, повышение процессуальных гарантий сторон судопроизводства, снижение возможности каких-либо злоупотреблений при вынесении судебных актов, что, в конечном счете, повышает уровня доверия к судебной системе со стороны общества.

Дальнейшая цифровизация судебная система в виде введения в процессуальное законодательство онлайн-заседаний, получение судебных актов в электронной форме и исполнительных листов позволят снизить процессуальные издержки сторон судопроизводства, ускорить рассмотрение дела и совершение отдельных процессуальных действий при рассмотрении дел.

Кроме того, цифровизация судебной системы позволяет обеспечить единообразие судебной практики, что является крайне важным, учитывая масштабы Российской Федерации и количество населения.

Библиографический список

1. Брянцева О. В., Солдаткина О. Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник университета. 2019. № 12. С. 97–104.
2. Булгакова Е. В. Современные информационные технологии в экспертном исследовании видеозаписей // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей : сб. науч. ст. М. : РГУП, 2017. С. 82–84.
3. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / отв. ред. В. П. Кашепов. М., 2010. С. 192–196 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>
4. Лаптев В. А. Электронные доказательства в арбитражном процессе // Российская юстиция. 2017. № 2. С. 56–59.
5. Носенко И. Л. Рассуждения о цифровизации судебной системы и реализации принципа гласности административного судопроизводства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17. № 2. С. 28–37.
6. Приженникова А. Н. Цифровизация правосудия: теоретические и практические аспекты // Образование и право. 2020. № 3. С. 287–297.
7. Статья 118 Конституции Российской Федерации ((принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общерос-

сийского голосования 01.07.2020 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>

8. Статья 3 Гражданско-процессуально кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>

УДК 341.9

Капканникова М. А.,

студентка 4-го курса юридического факультета
kapkannikova.marina@bk.ru;

Ермолаева Т. А.,

канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права.
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

КОЛЛИЗИОННЫЕ ВОПРОСЫ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные аспекты алиментных обязательств в международном частном праве. В процессе исследования приведена судебная практика. Для наиболее полного изучения поднятого вопроса были проанализированы отдельные международно-правовые акты и проведен сравнительный анализ.

Ключевые слова: обязательства, международное частное право, алименты, должник, кредитор, взыскание.

Проблема регулирования алиментных обязательств в настоящее время не остается без внимания в науке международного частного права. Следует выделить ряд ученых советского времени, которые углубленно занимались данным вопросом, а именно таких, как: И. К. Городецкий, Л. А. Лунц, Н. И. Марышева, Н. В. Орлова, А. И. Пергамент и др. Особое значение ученые-исследователи уделяли вопросу обеспечения возможности взыскать алименты с родителей, которые находятся на территории других государств, в пользу детей, проживающих в России.

Обращаясь к историческим данным, нельзя не подчеркнуть тот факт, что более четкую структуру взыскания алиментов на международном уровне с целью защиты имущественных интересов детей государства пытались создать еще до того, как началась Вторая мировая война. В 1956 г. была принята Конвенция «О взыскании алиментов за границей», в которой Россия не участвует [4]. Основная задача указанного документа заключалась в том, чтобы предоставить возможность нуждающемуся лицу, судьба которого зависит от получения алимен-

тов, взыскать алименты с ответчика, проживающего на территории другого государства, участвующего в нем, поскольку этот процесс часто вызывает как фактические, так и юридические трудности.

Конвенция предполагает особый порядок взыскания алиментов, а именно: через органы получения и передачи. Принимающие агентства должны принять меры для получения алиментов, а передающие агентства, соответственно, передать их получателю. Самым важным моментом является то, что действия агентств строго соответствуют требованиям добросовестности. Важно заметить, что действовать данные агентства должны были без обращения в консульские учреждения и дипломатические представительства.

Проблема фактического взыскания алиментов актуальна и сегодня, поскольку многие судебные решения (приказы) о взыскании алиментов с лиц, находящихся за рубежом, не исполняются, если Россия не заключила договор о правовой помощи с государством, на территории которого ответчик находится. Оставлять этот вопрос без внимания нельзя, поскольку материальное положение в виде получения алиментов для лица, имеющего право на их получение, в основном является существенным источником материального благополучия, а зачастую и единственным. При этом для самого человека совершенно не имеет значения, по законам какого государства будут назначаться, взиматься и выплачиваться алиментные обязательства.

Известно, что в российском семейном праве права и обязанности родителей и детей, в том числе обязанность родителей содержать детей, определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства. При отсутствии совместного проживания родителей и детей права и обязанности родителей и детей определяются законодательством государства, гражданином которого является ребенок. По требованию истца законодательство государства, в котором постоянно проживает ребенок, может применяться к алиментным обязательствам и другим отношениям между родителями и детьми.

Для полноценного изучения этого вопроса необходимо рассмотреть некоторые международные договоры. Так, согласно Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Польша, правоотношения между родителями и детьми определяются законодательством договаривающейся стороны, на территории которой они имеют совместное место жительства. Если место жительства кого-либо из родителей и детей находится на территории другой договаривающейся стороны, то правоотношения между ними определяются законодательством договаривающейся стороны, гражданином которой является ребенок [5].

В этих вопросах компетентны как учреждения договаривающейся стороны, гражданином которой является ребенок, так и учреждения договаривающейся стороны, на территории которой проживает ребенок.

Также, согласно Минской конвенции, правоотношения между родителями и детьми определяются законодательством договаривающейся стороны, на территории которой проживают дети. В случаях взыскания алиментов с совершеннолетних детей применяется законодательство контрагента, по месту жительства лица, претендующего на алименты. В случаях правоотношений между родителями и детьми компетентен суд договаривающейся стороны, законодательство которого подлежит применению [3].

Разбираясь в вопросе об обязательствах по алиментам, нельзя не упомянуть Гагскую конвенцию 1973 года. Он применяется к обязательствам по содержанию, которые возникают из семейных отношений, отцовства или материнства, включая обязательства по содержанию ребенка, рожденного вне брака. Конвенция носит универсальный характер, поскольку право, определенное в соответствии с ее положениями, применяется независимо от требований взаимности и от того, является ли это правом договаривающегося государства. Обязательства по содержанию регулируются национальным законодательством обычного места жительства лица, получающего алименты (кредитора). В случае изменения обычного места жительства кредитора внутреннее право нового обычного места жительства применяется с момента, когда это изменение произошло. Ссылка на внутреннее право означает, что Гагская конвенция 1973 года исключает использование обратной ссылки и понимает под выбранным законом только материальное право конкретного государства. Если кредитор не может получить алименты от должника, в соответствии со ст. 4 применяется закон об их общем гражданстве. Если кредитор не может получить алименты от должника в соответствии со ст. ст. 4 и 5, применяется внутреннее право запрашиваемого органа.

Также из нормативно-правовых актов следует выделить такие, как Гагская конвенция «О юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении ответственности родителей и мер по защите детей» 1996 г., к которой Россия присоединилась 5 июня 2012 г. [1], Гагская конвенция «О международной системе взыскания алиментов в отношении детей и других членов семьи» 2007 г. [2] и др. Названные выше конвенции обеспечивают комплексное регулирование взыскания алиментов в международном частном праве.

Следует особо выделить Конвенцию 1996 г., согласно которой ребенок находится под исключительной юрисдикцией государства, на тер-

ритории которого он имеет место жительства с родителями. При изменении места жительства ребенка эти органы обязаны принять все необходимые меры для защиты ребенка, о котором идет речь, до того, как он получит новое обычное место жительства. В исключительных случаях суд, рассматривающий дело о защите прав ребенка, может использовать право государства, с которым ребенок имеет наиболее тесные правоотношения. До момента нахождения ребенка в ведение другого государства уполномоченные органы Российской Федерации могут принимать меры по защите собственности в интересах детей. В соответствии с настоящей Конвенцией дети признаются лицами до достижения ими 18-летнего возраста.

Проводя анализ поднятого вопроса, необходимо обратиться к судебной практике, с помощью которой можно наглядно увидеть, как суды разрешают споры в той или иной ситуации. В качестве примера можно привести Определение Верховного Суда РФ от 24 января 2006 г. № 82-Г05-11: Определением областного суда от 22 августа 2005 года разрешено принудительное исполнение на территории Российской Федерации решения иностранного суда от 18 апреля 1999 г. о взыскании с должника Ж., гражданина Российской Федерации, в пользу М., гражданки Казахстана, заявившей ходатайство, алиментов на содержание сына, 9 мая 1997 г. рождения, в размере 1/4 части всех видов дохода, но не менее одного необлагаемого минимума доходов граждан ежемесячно, начиная с 23 сентября 2004 г. и до достижения сыном совершеннолетия. Согласно ч. 1 ст. 409 ГПК РФ решения иностранных судов признаются и исполняются в Российской Федерации, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации. В данном случае такой договор имеет место быть между Российской Федерацией и республикой Казахстан, которые являются участниками Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года. В п. 3 ст. 54 Конвенции предусмотрено, что порядок принудительного исполнения определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой должно быть осуществлено принудительное исполнение. Устанавливая взыскание алиментов с должника Ж. на территории Российской Федерации с 23 сентября 2004 года, суд не учел нормы Конвенции и Семейного кодекса Российской Федерации. Поэтому указание суда о взыскании алиментов с Ж. с 23 сентября 2004 г. признано Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации неправильным [6].

Следует отметить, что Россия практически не участвует в универсальных конвенциях. Сегодня, когда необходимость универсального

регулирования в этой сфере, в том числе для России, более чем очевидно, необходимо отметить особую роль Конвенции 2007 года, принятой на XXI Гаагской конференции по международному частному праву. В ней, по сути, были пересмотрены и скорректированы положения ранее принятых конвенций с учетом современных реалий.

В качестве основной цели Конвенция 2007 года предусматривает создание универсального и оптимального механизма, обеспечивающего эффективный и разумный сбор алиментов, в том числе с использованием современных информационных технологий. Конвенция 2007 года регулирует 4 основные группы отношений: 1) алиментные обязательства родителей на детей до 21 года; 2) алименты на супруга, если они взимаются одновременно с взысканием алиментов на ребенка и соответствующие требования взаимосвязаны; 3) признание и исполнение или только исполнение решений иностранных судов о взыскании алиментов на супруга; 4) алиментные обязательства супругов.

Проведя детальный анализ поставленной проблемы, в заключение хотелось бы отметить, что правовое регулирование алиментных обязательств в современном международном частном праве находится на стадии систематизации и универсализации основных положений, регулирующих отношения в этой сфере. Следует подчеркнуть, что Россия также участвует в этом процессе и принимает меры по совершенствованию действующего семейного законодательства нашего государства.

Библиографический список

1. Гаагская конвенция «О юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении ответственности родителей и мер по защите детей» (Заклучена 15 окт. 1996 г.) // СПС «Гарант». URL: garant.ru

2. Гаагская конвенция «О международной системе взыскания алиментов в отношении детей и других членов семьи» (заклучена 23 ноября 2007 г.; вступила в силу 1 января 2013 г.) // СПС «Гарант». URL: garant.ru

3. Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам. Ратифицирован Федеральным законом РФ от 13.07.2001 № 96-ФЗ.

4. Конвенция «О взыскании алиментов за границей» (Принята в Нью-Йорке 20 июня 1956 г.; вступила в силу 29 мая 1957 г.) // СПС «Гарант». URL: garant.ru

5. «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (заклучена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994).

6. Определение Верховного Суда РФ от 24.01.2006 № 82-Г05-11, Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2005 года, утвержден Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 1 марта 2006 г.

Клементьева А. А., Хомченко В. Н.,
студентки 3-го курса факультета мировая экономика и право.
Н.Р: Матияшук С.Р. профессор, д-р юрид. наук, доцент.
Сибирский государственный университет путей сообщения,
Новосибирск
Klementeva.01.01@mail.ru;
Khomchenko_veronika01@mail.ru

ПОНЯТИЕ И ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. Институт обязательственного права является одним из важнейших институтов гражданского права. В статье анализируются теоретические и практические вопросы применения оснований прекращения обязательств.

Ключевые слова: обязательства, обязательственные отношения, прекращения обязательств, основания прекращения обязательств.

Анализ вопроса об основании прекращения обязательств в гражданском праве обусловлен тем, что данные обязательства представляют собой самостоятельную обособленную группу правовых норм, которые направлены на урегулирование однородных имущественных и неимущественных отношений и являются одним из институтов гражданского права.

Обязательство представляет собой гражданское правоотношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие. Юридический факт является необходимым основанием для возникновения обязательства или обязательственных отношений. Он определяет передачу имущества в собственность, выполнение каких-либо работ или оказания услуг. В зависимости от основания обязательства формулируется его условия. Однако, несмотря на условия, предполагается, что исполнение обязательств в соответствии со всеми его условиями всегда приводит к прекращению таких правоотношений.

Ко всему прочему для возникновения обязательства необходимо его закрепить на законодательном уровне в виде договора, сделки или другим способом, или действием. По этой причине следует понимать все без исключения нюансы, а также иметь определенные юридические знания в плане прекращения обязательств для того, чтобы понимать, как грамотно расторгать договоры, какие результаты и последствия при этом могут быть.

Говоря об основаниях прекращения обязательств, нужно помнить, что само прекращение таких отношений представляет собой окончание прав и обязанностей сторон в силу законных оснований.

Основания прекращения обязательств — это правопрекращающие юридические факты, при которых закон или договор разрывает связь между кредитором и должником в обязательстве.

Обязательство может быть прекращено только при исполнении его должным образом. Под исполнением обязательства понимается совершение должником действий либо бездействий, которые образуют предмет обязательства для их прекращения. Должник имеет право требовать у кредитора расписку, но в то же время кредитор обязан ее выдать по требованию должника. Также существует такой способ прекращения обязательств, который предусматривает составление соглашения, по которому стороны прекращают обязательства и определяют их последствия.

Одним из способов прекращения обязательств по соглашению является отступное. В таком случае есть вариант прекращения обязательства посредством замены определенной вещи другой равной по стоимости вещи или денежной суммой.

В свою очередь, говоря об обязательстве, оно может прекратиться либо полностью, либо частично, например, по договору купли-продажи по соглашению сторон прекращение обязательства может происходить в случае передачи определенного количества товара покупателю.

Также одним из оснований прекращения обязательственных отношений полностью или частично может быть зачет встречного требования. Это проявляется в том, что стороны обязательства после осуществления зачета должны остаться в том же положении, как если бы обязательства были прекращены исполнителем, то есть предмет встречных требований должен быть однороден по своей сущности.

Новация — форма прекращения обязательства путем замены первоначального обязательства другим обязательством. Соглашение о новации влечет не только прекращение предшествующего, но и возникновение нового обязательства, что отличает новацию от отступного. Из соглашения о новации следует, что стороны имели в виду замену первоначального обязательства другим, и это влечет для них правовые последствия, в частности невозможность требовать исполнения первоначального обязательства. Для новации необходимым условием являются действительность первоначального и нового обязательств. В случае, если первоначальное обязательство будет признано недействительным, то таким же будет являться и новое обязательство. А если

будет признана недействительной новация, то будет считаться, что стороны связаны старым первоначальным обязательством.

Но есть и другие основания прекращения обязательств, которые не связаны с его исполнением. В качестве примера прекращения обязательства можно сослаться на ст. 418 ГК РФ, в которой установлено два основания прекращения обязательства смертью гражданина: смерть должника или кредитора. В случае смерти должника подлежат прекращению обязательства, которые носят личный характер или основаны на фидуциарных договорах. Обязательство может прекратиться и со смертью кредитора, только если исполнение отношений относится лично к кредитору либо иным образом связано с его личностью.

Также ликвидация юридического лица относится к основаниям прекращения обязательств, которые не связаны с его исполнением. Так, если оно было должником или кредитором, то переход обязательства к другому лицу в данном случае не предусмотрен законом.

В связи с этим наиболее распространенным способом по существу прекращения обязательства является его исполнение. Однако прекратиться независимо от исполнения, обязательственные отношения могут в силу внутренних либо внешних обстоятельств. Стороны таких правоотношений могут найти вариант прекращения обязательства любым из способов, указанным в Гражданском кодексе.

При прекращении обязательств необходимо учитывать все нюансы, которые относятся к сторонам обязательства, так как возможны «подводные камни», из-за которых можно что-то упустить, следствием чего может возникнуть невозможность достичь исполнения обязательства, хотя оно было бы справедливым.

Таким образом, обязательства представляют собой широко распространенный и устойчивый институт в гражданском праве, что требует детализации и регламентирования основания прекращения обязательства.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 1994. № 32.
2. Гонгало Б. М. Гражданское право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017. 543 с.
3. Ровный В. В. Принципы исполнения обязательств: вопросы динамики // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1. С. 32–37.
3. Соломин С. К. Прекращение обязательства по российскому гражданскому праву. М. : Юстицинформ, 2014. 141 с.
4. Суханов Е. А. Гражданское право : учебник. Т. 1. М. : БЕК, 2014. С. 78.

Кочетова Е. Е.,
студентка 4-го курса Института юстиции.
Н.Р.: Ермолаева Т. А., канд. юрид. наук, доцент.
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов
kochetova.elenaa@ya.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена вопросам регулирования общественных отношений в сфере международного усыновления. Особое внимание уделено проблеме снижения числа детей, усыновленных иностранными гражданами. На основе обобщения судебной практики делается вывод о том, что сегодня в России функционирование института международного усыновления реализуется не в полной мере. Предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования обеспечения прав и законных интересов российских детей, усыновленных иностранными гражданами. Обозначены перспективы развития института международного усыновления в настоящее время. Сделан вывод о необходимости оставления граждан РФ на ее территории.

Ключевые слова: международное усыновление; международное частное право; семейное право; иностранные граждане; отмена усыновления.

Институт семьи, материнства, отцовства и детства в настоящее время занимает одну из ключевых позиций во всем мире. Существует множество дискуссионных моментов, посвященных проблемам воспитания, проживания, адаптации детей в приемных семьях. Кроме того, к вопросам правового урегулирования усыновления приковано постоянное внимание юридической науки.

Семейное законодательство РФ предусматривает возможность усыновления или удочерения (далее по тексту — усыновление). При этом приоритет при усыновлении несовершеннолетних граждан РФ отдается российским гражданам. Однако в установленных законом случаях, а именно, п. 4 ст. 124 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (далее — СК РФ), допускается усыновление детей иностранными гражданами или лицами без гражданства при соблюдении ими ряда условий. Указанные условия сформулированы в нормах как международного, так и российского права.

При этом институт международного усыновления, несмотря на важность рассматриваемых правоотношений, является одним из наиболее проблемных по наличию пробелов и коллизий в правовом регулировании. Представляется, что данное обстоятельство обусловлено отсутствием единых механизмов гарантий прав усыновленных детей и унифицированного подхода к самой процедуре усыновления [1, с. 276].

Основным международным правовым документом, устанавливающим приоритет интересов детей и обязательство государств-участников принимать меры по соблюдению их прав и свобод, является Конвенция о правах ребенка 1989 г. Следует сказать, что при усыновлении в другой стране относительно ребенка должны применяться те же гарантии и нормы, которые используются при внутригосударственном усыновлении; устройство ребенка не должно приводить к получению неоправданных финансовых и иных выгод, связанных с усыновлением лицами, и некоторые другие. Однако на практике были выявлены неоднократные случаи нарушения указанных положений и положений Конвенции, вплоть до жестокого обращения с детьми, причинения им смерти.

Государство было вынуждено реагировать на подобные ситуации, и одной из мер стало вступление в силу с 01.01.2013 г. положений Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 28.06.2021) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», или «Закона Димы Яковлева», установившего запрет на усыновление детей-сирот гражданами США. После легализации в ряде стран однополых браков Правительство Российской Федерации опубликовало Постановление от 10 февраля 2014 года № 93 «О мерах по совершенствованию порядка передачи детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семьи», в котором установило запрет усыновления иностранными гражданами, состоящими в однополым браке, и гражданами, чьи страны узаконили подобную форму брачных отношений. Внесли определенную роль в функционирование института международного усыновления также принятые в 2020 году Правительством РФ меры на федеральном и региональном этапах по предотвращению распространения на территории РФ новой коронавирусной инфекции Covid-19, которые ограничили международное авиасообщение с рядом зарубежных стран.

Таким образом, сложившаяся правовая, эпидемиологическая, социальная, политическая обстановка привела к тому, что институт международного усыновления хотя и является действующим, однако существуют тенденции по снижению числа российских детей, усынов-

ленных иностранцами. Согласно анализу «Обзора практики рассмотрения в 2020 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации», утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 2 июня 2021 г., в 2020 году областными и равными им судами с вынесением решения рассмотрено 42 дела о международном усыновлении, что на 79% меньше, чем в 2019 году (203 дела), и на 84% меньше, чем в 2018 году (256 дел). Все 42 дела рассмотрены с удовлетворением требований.

Согласно ежегодному докладу Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка А. Ю. Кузнецовой, в 2020 году российских детей усыновляли граждане шести государств (Италия, Аргентина, Франция, Германия, Испания, Швеция), а договоры по постусыновительному контролю заключены только с четырьмя странами (Франция, Италия, Испания, Израиль). Кроме того, зачастую российским консульским учреждениям создаются препятствия в осуществлении контроля иностранных семей, усыновивших российских детей, что требует применения определенных мер в отношении властей государств, граждане которых усыновили российских детей [5, с. 73]. Процедура последующего контроля усложняется также тем, что в ряде стран при усыновлении ребенку даются новые данные, в том числе имя и фамилия.

Кроме того, в ежегодном докладе Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка А. Ю. Кузнецовой (2020) также отмечено, что «по-прежнему существует проблема отсутствия у нашей страны реальных международно-правовых инструментов для осуществления контроля за условиями жизни российских детей на территории США, усыновленных до прекращения от имени РФ соответствующего Соглашения. В отчетном периоде позитивных изменений в этом вопросе не произошло, запросы о судьбах наших детей, усыновленных американской стороной, оказались без ответа». В связи с этим представляется необходимым передавать детей в приемные семьи только гражданам тех иностранных государств, с которыми у России заключены договоры по постусыновительному контролю, в целях усиления наблюдения за усыновленными гражданами РФ, соблюдением их прав и свобод.

Также следует отметить, что иностранные усыновители обязаны предоставлять в консульские учреждения отчеты об условиях жизни и воспитания детей. Однако отсутствует санкция за непредставление такого отчета, а также механизмы защиты от предоставления недостоверных сведений в таком отчете [6, с. 53]. В связи с этим предлагается закрепить нормы о применении ответственности к лицам, не предостав-

ляющим подобные отчеты либо предоставляющим отчеты, содержащие недостоверные сведения. Кроме того, при заключении Российской Федерацией двусторонних соглашений об усыновлении с иностранными государствами штатное расписание консульского учреждения должно предусматривать должность атташе по правам ребенка, в обязанности которого входило бы осуществление контроля за условиями проживания, воспитания, качеством образования, состоянием здоровья детей, усыновленных иностранными гражданами [2, с. 73].

К числу неурегулированных моментов можно отнести также то, что, согласно положениям п. 1 ст. 37 Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., усыновление или его отмена определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, гражданином которой является усыновитель в момент подачи заявления об усыновлении или его отмене. Поэтому возникает вопрос о применимом праве относительно отмены усыновления, так как есть страны, где предусмотрено переустройство ребенка в другую семью как альтернатива отмены усыновления по инициативе усыновителя. К таким странам можно отнести Великобританию, Францию, США [3, с. 54]. Таким образом, если в законодательстве страны усыновителей прописан запрет отмены усыновления, даже в случае грубого обращения с ребенком, причинения вреда его здоровью и т. д., соответствующие органы могут передать ребенка на воспитание в другую семью либо специализированное учреждение, но не вернуть его на Родину.

Круг отношений, на которые распространяется коллизионная норма п. 1 ст. 165 СК РФ, определяется в самой норме посредством отсылок к положениям конкретных статей Семейного Кодекса Российской Федерации, что является объемом данной коллизионной нормы [8, с. 13]. Поскольку существует коллизионная привязка, закрепленная в абз. 1 п. 1 ст. 165 СК РФ, требования, предъявляемые к усыновителям, определяются по российскому законодательству. Однако в законах РФ закреплены только формальные требования к личности усыновителя. В связи с этим представляется необходимым эти требования и проверку их соблюдения ужесточить во избежание случаев усыновления детей психически нездоровыми лицами, как это было, например, в случае скрывания при устройстве ребенка в семью факта наличия психического заболевания у приемного 47-летнего отца-итальянца Массимо Маравалле (Massimo Maravalle), усыновившего в 2014 году 5-летнего мальчика Максима Кичигина, которого он задушил во сне.

Подводя итог, подчеркнем, что, согласно ст. 17 «Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия

детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях», международное усыновление является лишь «альтернативным решением вопроса обеспечения ребенка семьей», приоритет должен отдаваться усыновлению внутри страны [7, с. 321].

Вопрос об установлении запрета на международное усыновление, внесенный на рассмотрение в Госдуму РФ, остается открытым. В настоящее время в высшем законодательном органе РФ обсуждается внесение поправок в «Закон Димы Яковлева» и расширение действия статьи, устанавливающей запрет усыновления гражданами США, на других иностранцев.

Так, адвокат Антон Жаров выступает против иностранного усыновления, считая, что «благодаря» ему тормозится усыновление внутри России и усыновление в принципе. Аспирант юридического факультета ИЭУП РГУ Жарова О. В. приходит к выводу, что есть определенные правила, международные договоры, которые подписала Российская Федерация, поэтому запретить международное усыновление совсем нельзя, в связи с чем были высказаны предложения российскими правозащитниками о введении моратория на международное усыновление [4, с. 200–201].

Таким образом, вопрос отмены международного усыновления или введения моратория на него выступает дискуссионной площадкой и для теоретиков, и для практикующих юристов как российского, так и зарубежного права. Считаем приоритетным создать оптимальные условия поддержки российских граждан в вопросах усыновления детей с целью оставления граждан РФ на ее территории, прибегнув к минимизации возможных рисков, которые могут возникнуть при применении института международного усыновления.

Библиографический список

1. Алехина Д. В., Грачева А. В. Проблемные аспекты института международного усыновления в международном частном праве // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. XXV Междунар. науч.-практич. конф. (Пенза, 20 декабря 2019 г.). Пенза : Наука и Просвещение, 2019. С. 276–278.

2. Беланова Г. О., Шульженко И. С. О совершенствовании института международного усыновления // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 71–73.

3. Буянова Е. В. Процедура усыновления по законодательству зарубежных стран: монография. Оренбург : Университет, 2013. 247 с.

4. Жарова О. В. Правовое значение ратификации Гаагской конвенции о защите детей и сотрудничестве в области иностранного усыновления для РФ // Эффективность законодательства в современных социально-экономиче-

ских условиях : мат-лы X Междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 15 апреля 2010 г.). М. : РГГУ, 2010. С. 194–202.

5. Ламейкина Е. Ю. Проблемы правового регулирования международного усыновления // Закон и право. 2019. № 11. С. 71–75.

6. Салахиева А. Р., Усова М. Г. Проблемные аспекты усыновления в международном частном праве // Наука и перспективы. 2019. № 2. С. 50–57.

7. Сбитнев В. С. Актуальные проблемы в сфере трансграничного усыновления // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 319–332.

8. Ткачук Ю. А. Проблемы коллизионного регулирования международно-го усыновления // Universum: экономика и юриспруденция. 2020. № 11 (75). С. 12–14.

УДК 34

Леонтьева А. Н.,

магистрант 2-го курса.

Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации, Чебоксары
st954350@ruc.su

ПОЛУЧЕНИЕ СВЕДЕНИЙ О НАЛИЧИИ НЕСНЯТОЙ (НЕПОГАШЕННОЙ) СУДИМОСТИ КАНДИДАТОВ В ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ

Аннотация. В статье исследуются теоретические и практические проблемы, связанные с необходимостью получения сведений о лицах, имеющих неснятую (непогашенную) судимость, с которыми сталкиваются исполнительно-распорядительные органы муниципальных образований при составлении списков кандидатов в присяжные заседатели. Для решения имеющихся проблем предлагается закрепить в законе соответствующую обязанность по предоставлению необходимой информации.

Ключевые слова: суд присяжных заседателей, кандидаты в присяжные заседатели, судимость, персональные данные.

В соответствии с п. 2 ст. 47 Конституции Российской Федерации [1] обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом. Такие случаи определены в п. 2 ч. 2 ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее — УПК РФ), который, в свою очередь, содержит бланкетную норму к ст. 31 УПК РФ, определяющей подсудность уголовных дел.

Формированию коллегии из двенадцати присяжных заседателей (с 01.06.2018 для районных и гарнизонных судов — из восьми) предшествует составление списков кандидатов в присяжные заседатели, которое осуществляется в соответствии со специальными нормами Федерального закона от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [3] (далее — Закон о присяжных заседателях).

В процедуре составления списков кандидатов в присяжные заседатели участвуют органы всех ветвей власти. Полномочия каждого из органов власти указаны в законе, однако на практике возникают проблемы при исполнении уполномоченными органами возложенных на них обязанностей.

В соответствии с подп. 2 ч. 2 ст. 3 Закона о присяжных заседателях присяжными заседателями и кандидатами в присяжные заседатели не могут быть лица, имеющие непогашенную или неснятую судимость [3]. Следовательно, в отношении лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость, введены ограничения в части возможности осуществления такими лицами полномочий присяжного заседателя или быть кандидатом в присяжные заседатели.

На важность получения информации о судимости присяжных заседателей обращает внимание А. Л. Осипов, отмечая частоту отмены приговоров суда по причине скрытия информации о судимости самими присяжными [9, с. 29–32]; В. Н. Тарасов отмечает, что выявление подобных фактов влечет за собой признание состава суда незаконным и ряд негативных процессуальных последствий в зависимости от стадии судопроизводства [10, с. 15–19].

На необходимость проведения проверки кандидатов в присяжные заседатели на судимость указывают Д. А. Венев [7, с. 3–5], О. Н. Тисен [11, с. 16–19], В. В. Демченко [8, с. 17–21].

Между тем, получение сведений о неснятой (непогашенной) судимости граждан при составлении списков кандидатов в присяжные заседатели органами местного самоуправления сопряжено с рядом проблем, возникающих при взаимодействии с уполномоченными органами.

Указанные сведения запрашиваются органами местного самоуправления в органах внутренних дел, располагающих сведениями об осужденных лицах. Иных возможностей по получению необходимой информации действующим законодательством не предусмотрено.

При этом, Закон о присяжных заседателях напрямую не устанавливает право муниципальных или государственных органов по истребованию и получению у органов внутренних дел Российской Федерации

сведений о судимости лиц. Равно как действующим законодательством очевидно не предусмотрена обязанность органов внутренних дел Российской Федерации по предоставлению по такому запросу сведений о наличии (отсутствии) судимости в рамках проведения работы по составлению списков кандидатов в присяжные заседатели. При предоставлении информации о наличии неснятой (непогашенной) судимости лиц, указанных в запросах органов власти, органы внутренних дел руководствуются иными нормами действующего законодательства.

Специальные нормативные акты, регламентирующие деятельность органов местного самоуправления по составлению списков кандидатов в присяжные заседатели, деятельность органов внутренних дел по предоставлению информации, а также законодательство о персональных данных позволяют увидеть следующее правовое регулирование в указанной сфере.

Обязанности полиции определены ст. 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [4] (далее — Закон о полиции). Согласно части 5 статьи 17 Закона о полиции «информация, содержащаяся в банках данных, предоставляется государственным органам и их должностным лицам только в случаях, предусмотренных федеральным законом» [4].

Согласно п. 39 ч. 1 ст. 12 Закона о полиции на полицию возлагается обязанность «предоставлять по межведомственным запросам органов государственной власти, органов местного самоуправления, предоставляющих государственные или муниципальные услуги, сведения о наличии у лица непогашенной или неснятой судимости, если для предоставления государственной или муниципальной услуги предусмотрено предоставление таких сведений (документа, содержащего такие сведения) в указанные государственные органы или органы местного самоуправления» [4].

Составление списков кандидатов в присяжные заседатели не является ни государственной, ни муниципальной услугой. Соответственно, проведение проверки исполнительно — распорядительными органами муниципальных образований кандидатов в присяжные заседатели на наличие (отсутствие) у них судимости, не является основанием для предоставления сведений в рамках оказания государственных и муниципальных услуг.

В соответствии с пунктом «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации вопросы судоустройства относятся к исключительной компетенции Российской Федерации [1].

Из п. 1 ст. 9 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

Федерации» [5] следует, что «полномочия органов местного самоуправления, установленные федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, по вопросам, не отнесенным в соответствии с настоящим Федеральным законом к вопросам местного значения, являются отдельными государственными полномочиями, передаваемыми для осуществления органам местного самоуправления».

Полномочия исполнительно-распорядительных органов исполнительной власти по составлению списков кандидатов в присяжные заседатели установлены Законом о присяжных заседателях, т. е. являются отдельными переданными государственными полномочиями, которые должны исполняться в предусмотренном законом порядке.

По смыслу п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [6] (далее — Закон о персональных данных) имеющиеся в банках данных полиции сведения о наличии (отсутствии) судимости относятся к персональным данным. В соответствии со статьей 7 указанного закона «операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом» [6].

Между тем, сведения о неснятой (непогашенной) судимости необходимы органам местного самоуправления для исполнения возложенных на них полномочий, предусмотренных Законом о присяжных заседателях, т. е. необходимы для достижения конкретных, заранее определенных и законных целей, что соотносится с принципами и условиями обработки персональных данных, предусмотренными статьей 5 Закона о персональных данных [6].

Однако, согласно ч. 1 ст. 3 Закона о полиции, данный Федеральный закон имеет приоритет перед другими федеральными законами, составляющими правовую деятельность полиции. Учитывая вышеизложенное, обязанность по предоставлению сведений о наличии у лица непогашенной или неснятой судимости муниципальным органам при составлении списков кандидатов в присяжные заседатели органами внутренних дел Российской Федерации прямо не предусмотрена.

В соответствии с п. 1 ст. 3 Закона о присяжных заседателях «присяжными заседателями могут быть граждане, включенные в списки кандидатов в присяжные заседатели и призванные в установленном УПК РФ порядке к участию в рассмотрении судом уголовного дела» [6].

Из положений ст. 326 УПК РФ, определяющей порядок составления предварительного списка присяжных заседателей, следует, что «секретарь судебного заседания или помощник судьи проводит от-

бор кандидатов в присяжные заседатели из находящихся в суде общего и запасного списков путем случайной выборки и проверяет наличие обстоятельств, препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя в рассмотрении уголовного дела».

В соответствии с положениями ч. 4 ст. 327 УПК РФ «списки кандидатов в присяжные заседатели, явившихся в судебное заседание, вручаются сторонам, которые обладают правом заявлять отводы кандидатам в присяжные заседатели» (ч. 5).

В силу ст. 328 УПК РФ «председательствующий разъясняет кандидатам в присяжные заседатели их обязанность правдиво отвечать на задаваемые им вопросы, а также представить необходимую информацию о себе и об отношениях с другими участниками уголовного судопроизводства. После этого председательствующий опрашивает кандидатов в присяжные заседатели о наличии обстоятельств, препятствующих их участию в качестве присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела» (ч. 3), а также «предоставляет сторонам возможность задать каждому из оставшихся кандидатов в присяжные заседатели вопросы, которые связаны с выяснением обстоятельств, препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя в рассмотрении уголовного дела» (ч. 8).

Следовательно, при рассмотрении конкретного уголовного дела указанные положения уголовно-процессуального законодательства регламентируют порядок привлечения кандидатов в присяжные заседатели к участию в рассмотрении уголовного дела при формировании коллегии присяжных, удовлетворяющей требованиям законного, справедливого, беспристрастного суда.

Такое решение вопроса можно было бы признать удовлетворительным, если бы не императивные положения ч. 2 ст. 3 Закона о присяжных заседателях, запрещающих лицам, имеющим неснятую и непогашенную судимость, быть даже кандидатами в присяжные заседатели [6]. Следует отметить, что данное положение обусловлено прежде всего экономией времени судов при формировании коллегии присяжных заседателей, которые, как предполагается по смыслу закона, будут отбираться из числа граждан, соответствующих указанным требованиям.

Таким образом, становится очевидной необходимость закрепления на уровне федерального закона четко определенной обязанности органов внутренних дел по предоставлению необходимой информации о наличии (отсутствии) судимости граждан, включаемых в списки кандидатов в присяжные заседатели на стадии формирования данных списков, для чего необходимо внесение соответствующих изменений в Закон о полиции, дополнив п. 39 ст. 12 Закона о полиции положением об

обязанности полиции по предоставлению сведений о наличии у лица непогашенной или неснятой судимости в целях составления списков кандидатов в присяжные заседатели.

При этом необходимо учесть, что в силу части 1 статьи 6 Закона о присяжных заседателях на должностных лиц и руководителей организаций независимо от их организационно-правовой формы уже возложена обязанность по запросу исполнительно-распорядительного органа муниципального образования и высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации представить информацию, необходимую для составления списков кандидатов в присяжные заседатели [6].

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: consultant.ru (дата обращения: 30.11.2021).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: consultant.ru (дата обращения: 30.11.2021).

3. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ (в ред. от 01.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: consultant.ru (дата обращения: 30.11.2021).

4. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 11.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: consultant.ru (дата обращения: 30.11.2021).

5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 19.11.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: consultant.ru (дата обращения: 30.11.2021).

6. О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: consultant.ru (дата обращения: 30.11.2021).

7. Венев Д. А. Теоретические и практические проблемы действия списков кандидатов в присяжные заседатели // Адвокатская практика. 2016. № 6. С. 3–5.

8. Демченко В. В. Суд присяжных: проблемы и возможности // Законность. 2020. № 1. С. 17–21.

9. Осипов А. Л. Вопросы формирования коллегии присяжных заседателей // Судья. 2016. № 5. С. 29–32.

10. Тарасов В. Н. Тенденции и проблемы развития института суда присяжных в России // Судья. 2016. № 5. С. 15–19.

Нехорошкова Д. К.,

студентка 2-го курса магистратуры.

Н.Р.: Казьмина М. В., д-р ист. наук, доцент, профессор
кафедры теории и истории государства и права.

Юридический институт Кемеровского
государственного университета, Кемерово
adk12081992@gmail.com

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ПОЛУЧЕНИИ
ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ИЗ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ
В СОБСТВЕННОСТЬ, В ТОМ ЧИСЛЕ – ПОДАЧЕ
ИСКА (ЗАЯВЛЕНИЯ) О ПРИЗНАНИИ РЕШЕНИЯ
ОРГАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ОТКАЗЕ
В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА
НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы, которые возникают у граждан и юридических лиц при оформлении земельного участка в собственность из муниципальных земель. С учетом норм Земельного Кодекса РФ, разъяснений судов и судебной практики автором статьи сформулированы основные проблемные ситуации при процедуре получения земельного участка, находящегося в распоряжении муниципального территориального органа в собственность и пути их решений.

Ключевые слова: земельное право, право собственности на земельный участок, признание отказа в предоставлении земельного участка в собственность недействительным

Процедура получения земельного участка в собственность указана в п. 1 ст. 39.14 Земельного Кодекса РФ и включает следующие этапы:

1. Подготовка схемы расположения земельного участка в случае, если земельный участок предстоит образовать и не утвержден проект межевания территории, в границах которой предстоит образовать земельный участок (пп. 1);

2. подача заявления о предварительном согласовании предоставления земельного участка, если земельный участок предстоит образовать или уточнить границы и получить соответствующее решение о предварительном согласовании (пп. 2, 3);

3. Проведение кадастровых работ (пп. 4);

4. Государственный кадастровый учет земельного участка (пп. 5);
5. Подача заявления о предоставлении земельного участка (пп. 6);
6. Заключение договора с государственным органом (пп. 7) [1].

Для выбора точного алгоритма действий необходимо учитывать, расположен ли на земельном участке объект недвижимости, находящийся в собственности заявителя, либо необходимо увеличить существующий земельный участок за счет муниципальных земель. Имеют место случаи, когда кадастровые инженеры неверно указывают на необходимость оформления отдельного земельного участка, с учетом минимальных/максимальных размеров земельного участка, категории земель и других параметров, указанных в Правилах землепользования и застройки территориального образования. Правильным вариантом служит именно процедура перераспределения муниципальной земли и законное увеличение земельного участка, стоящего на государственном кадастровом учете в соответствии с законодательством в границах после всех процедур.

На практике достаточно распространенной проблемой является получение решения о предварительном согласовании земельного участка, проведение за счет заявителя кадастровых работ и дальнейший отказ в предоставлении со ссылкой на то, что земельный участок уже предоставлен задним числом третьему лицу. В таком случае можно подать исковое заявление на возмещение затрат на проведение кадастровых работ.

Актуальной проблемой является получение в собственность земельного участка определенного размера и площади. Распространены ситуации, при которых земельный участок уже стоит на государственном кадастровом учете, но имеет площадь значительно большую необходимой для осуществления деятельности и используемой по факту. Необходимость оформления земельного участка, на котором расположен объект недвижимости, находящийся в собственности, возникает и вследствие того, что муниципалитет выставляет требования на взыскание неосновательного обогащения, поскольку лицо пользуется земельным участком в силу расположения на нем объекта недвижимости. В данном случае лицу необходимо получить экспертное заключение на границы необходимого земельного участка для осуществления его деятельности с учетом градостроительных норм, предпринимать попытки на заключение договора с последующим получением в собственность именно необходимой площади земельного участка, получение отказов. Судебная практика показывает, что при совокупности всех факторов лицо может претендовать на избежание взыскания неосновательного обогащения на земельный участок большей площадью и судебное решение, по которому

суд обяжет государственный орган заключить с лицом договор. В данной ситуации большое значение имеет кадастровая стоимость земельного участка, которая при большей площади при прочих равных условиях будет больше. У лица при отсутствующем заключенном договоре аренды отсутствует право на изменение кадастровой стоимости. При несогласии с рассчитанной кадастровой стоимостью земельного участка также необходимо в судебном порядке ее определить [2].

Актуальной проблемой при признании отказа государственного органа в предоставлении земельного участка в собственность является необходимость определения подачи искового заявления в рамках гражданского судопроизводства или административного.

На текущий момент отказы в принятии заявления в силу наличия гражданских отношений являются распространенным явлением. По нашему мнению, исходя из п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами КАС РФ», в случае если решение в отказе в предоставлении земельного участка в собственность лицу привело к прекращению гражданских прав, то данное исковое заявление должно носить гражданский характер и рассматриваться в порядке гражданского судопроизводства. При отказе в предоставлении в собственность земельного участка автоматически нарушено право на продажу, дарение и залог земельного участка, и если, по мнению заявителя, решение об отказе незаконно, то следует применять гражданские нормы и порядок оспаривания решения [3].

Стоит обратить внимание и на проблему в получении в собственность сельскохозяйственного земельного участка. При наличии свидетельства на паевые земли необходимо лишь обратиться к грамотному кадастровому инженеру. Ключевой проблемой является желание заявителя переоформить право бессрочного пользования в право собственности. В Арбитражных судах рассматриваются сотни дел по признанию переуступки права бессрочного пользования, при этом данные дела в большинстве своем выносят решения в пользу истцов. Судебная практика такова, что при наличии права бессрочного пользования на земельный участок сельскохозяйственного назначения, наличия на нем объекта капитального строительства (не самостроя), принадлежащего на праве собственности заявителю, наличие переоформленного из бессрочного права на договор аренды, в совокупности дает возможность признать право собственности на данный земельный участок с выкупом за кадастровую собственность.

В земельном праве много исключительных нюансов и огромная брешь в законодательстве. При сформировавшейся практике также присутствуют проблемы при признании прав собственности на земель-

ный участок, находящийся в распоряжении муниципальных органов власти. При законных процедурах у государственных органов также остаются рычаги воздействия на заявителей, что само по себе приводит к спорам и судебным разбирательствам.

Библиографический список

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 24.11.2021)

2. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.09.2017 № Ф09-5376/17 по делу № А60-55620/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ea9512fa-299a-4c86-be13-6cadfa53de84> (дата обращения: 24.11.2021)

3. Постановления Пленума ВС РФ от 27.09.2016г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами КАС РФ» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205136/ (дата обращения: 26.11.2021).

УДК 32

Нигматуллина Т. А.,

д-р полит. наук, заведующий кафедрой политологии, истории,
теории государства и права.
Башкирский институт социальных технологий (филиал)
Академии труда и социальных отношений, Уфа
ufabist@ufabist.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ДЕТСКОЙ И МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы формирования правовой культуры и правового воспитания подрастающего поколения в историческом ракурсе — с глубокой древности до наших дней. Проанализированы идеи гражданского воспитания в Европе, Америке и их отличие от правового обучения в России в IX веке. Рассмотрены основные положения «Стратегии развития и воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года».

Ключевые слова: молодежь, правосознание, воспитание, Стратегия развития и воспитания, правовая грамотность.

Вопросы формирования правовой культуры и правового воспитания подрастающего поколения поднимались еще во времена глубокой древности. И хотя термин «правовое воспитание» появился только

в XX веке, право всегда — как в авторитарных, так и в демократических обществах — считалось важным элементом воспитания гражданина. Идеи, сформулированные философами Древней Греции и Древнего Рима, сохранили свою значимость и сегодня. Именно в античной культуре Сократом, Платоном, Аристотелем было сформировано ставшее традиционным для европейских стран представление о гражданской добродетели как неотъемлемой черте гражданина, где важное место занимала законопослушность.

И. А. Ковалев в статье «Правовое сознание в работах Платона и Аристотеля» справедливо подчеркивает: «...нельзя говорить о том, что античные философы использовали правовые понятия в современном смысле, который мы сейчас вкладываем в них, более того, ряда понятий даже не было отражено в их трудах. Однако ряд идей, связывающих, например, сознание человека и право, воспитание и право не мог быть не раскрыт в рамках философско-правовой мысли античных философов. Совершенно справедливо положение о том, что античными философами, в том числе и Аристотелем, рассматривались вопросы первичности и вторичности правовых явлений и феноменов» [5].

Мы солидарны с позицией Л. Г. Егиной, которая считает, что «взгляды и идеи Аристотеля помогают современному человеку понять природу и философский смысл правового воспитания, историю развития вопроса, важность данной проблемы как государственной составляющей» [3]. Достаточно упомянуть книгу «Никомахова этика», «Политика», в которых философ утверждает, что «все зависит от того, к чему именно приучаться с самого детства», «законодательство определяет, какие поступки следует совершать или от каких следует воздержаться», «закон является своего рода соглашением», «закон есть нечто справедливое», «необходимо воспитание детей... поставить в соответствующее отношение к государственному строю», а также его высказывания о том, что «из детей потом вырастают участники политической жизни», «величавому ни в коем случае не подобает... поступать против права», «совершая правовые [поступки], мы делаемся правосудными», «ибо и правосудным никто не назвал бы человека, который не радуется правовому», «правосудный — это законопослушный и справедливый» [1–2] и др.

В Древнем Риме правосознание формировалось путем открытых форумов, на которые мог прийти каждый свободный римский гражданин, а также речами преторов, консулов и т. д. Важные правовые принципы были отражены в законах 12 таблиц. Подлинный документ не сохранился: по преданию, таблицы пропали во время галльского нашествия [7]. Но законы XII таблиц пустили прочные корни в народной памяти; они циркулировали в списках и еще во время Цицерона заучи-

вались детьми наизусть. Благодаря этому, хотя и не дошел до нас полный текст этого памятника, тем не менее сохранились отдельные положения из него, такие, к примеру, как: права одних римских граждан не должны были нарушать права других римских граждан. Иначе говоря, государство уже с древних времен понимало роль правосознания в жизни общества.

Идеи гражданского воспитания, рассматриваемые в тесной связи с правом долженствования, были особенно популярны в эпоху Возрождения: во Флорентийской республике (XV в.), представителей школы «гражданского гуманизма» (П. Верджерио, Л. Бруни и др.). Согласно их позиции, исполнение гражданского долга напрямую связано с подчинением закону, праву. Эти традиции получили дальнейшее развитие в эпоху Просвещения.

С конца XVIII века в государственных школьных системах вводятся учебные курсы законоведения, моральных и политических наук для гимназий и других школ. В 1783 году по высочайшему повелению императрицы было издано пособие «О должностях человека и гражданина», предназначенное для использования в учебных заведениях. При этом изучение законов включалось в контекст морального воспитания. Вопросы воспитания гражданской добродетели и законопослушания освещены также в трактате А. Ф. Бестужева и его курсе морали для кадетских корпусов.

В XIX в. в России задаче воспитания законопослушных граждан уделяли большое внимание демократические круги и представители «официальной народности». Законодательство в той или иной степени изучалось в различных учебных заведениях.

Однако правовое обучение в России отличалось от подобного процесса в Европе и Америке. Если в европейских странах акцент делался на воспитании члена гражданского общества, наделенного естественными и неотъемлемыми правами (например, курс «Граждановедение» во Франции, 2-я пол. XIX в.), то в России главной задачей являлось законопослушание верноподданного гражданина.

В начале XX в. подходы русских и зарубежных педагогов к роли права практически стали тождественными. В России появился перевод учебной книги Г. О. Арнольда-Форстера «Права и обязанности юного гражданина» (1906 г.), предназначенного изначально для юных граждан Великобритании. Во многих гимназиях, общеобразовательных и специальных школах для трудящихся в России преподавался курс социологии Г. А. Энгеля, который имел различные названия: законоведение, обществоведение, введение в теорию государства и права. И именно Г. А. Энгель стал автором первого советского учебника для

школ по социологии [9], где речь шла об общепедагогическом значении правового воспитания, взаимосвязи права и морали как регуляторов поведения, влияющих на уровень гражданственности личности.

Обобщая сказанное выше, отметим, что вопрос формирования правосознания в России имеет длительную историю. Однако и сегодня проблемы правового нигилизма, законопослушания сохраняют свою актуальность. Нельзя не согласиться с российским мыслителем И. А. Ильиным, который считал: «Человеку невозможно не иметь правосознания; его имеет каждый, кто сознает, что кроме него на свете есть другие люди», «нет человека без правосознания, но есть множество людей с затрудненным, уродливым или даже одичавшим правосознанием. Однако именно оно в значительной степени формирует уровень правовой культуры человека — совокупность его правовых знаний, убеждений и установок» [4, с. 34–35].

Отсюда следует вывод: правосознание, чтобы оно было устойчивым, необходимо грамотно формировать с детского возраста.

В «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей называется «развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины». При этом важной составляющей воспитания Стратегия считает именно гражданское воспитание, которое включает «создание условий для воспитания у детей активной гражданской позиции, гражданской ответственности, основанной на традиционных культурных, духовных и нравственных ценностях российского общества; развитие правовой и политической культуры детей, расширение конструктивного участия в принятии решений, затрагивающих их права и интересы, в том числе в различных формах самоорганизации, самоуправления, общественно значимой деятельности» [8].

Что имеют в виду авторы Стратегии, когда речь идет о правовой грамотности и правосознании детей и молодежи? Прежде всего, формирование у них устойчивого уважения к закону и повышение уровня их правовой культуры. И это понятно: уровень правосознания молодежи принципиален для развития любого общества, поскольку молодежь — будущее страны, и от того, какой она видит политику государства, насколько соблюдает принятые законы, во многом зависит сохранность и целостность страны, ее прогресс или упадок.

Это обусловлено тем, что именно «в процессе правовой социализации молодежь усваивает основные ценности, нормы, навыки правового

поведения и в силу возрастных особенностей трансформирует их в соответствии с условиями своего существования, с событиями своей жизни [10].

По мнению И. П. Якушевой, и мы солидарны с ней, «российская система образования, оставаясь институтом, свободным от политического и идеологического диктата, вместе с тем оказалась исключена из системы правового воспитания подрастающего поколения. Более того, противоречивость политических и социальных процессов и, как следствие, — высокая дифференциация социального статуса, неопределенность будущего молодежи существенно подрывают авторитет государства и доверие к власти в молодежной среде» [10].

Свою лепту вносит и интернет: зависимость от IT-технологий и виртуального информационного пространства провоцирует подрастающее поколение на уход в виртуальный мир, следствием чего приоритетом становятся личные интересы, параллельно формируется безразличное отношение к обществу, социальным нормам и базовым общечеловеческим ценностям [6], что в итоге нередко приводит к формированию негативных моделей правового сознания в молодежной среде.

Отметим, что в России, особенно в последние годы, немалое делается для повышения правовой грамотности граждан, в том числе детей и молодежи. Как один из примеров — проведение Всероссийского правового (юридического) диктанта, инициированного Ассоциацией юристов России и рассчитанного на граждан в возрасте от 14 лет. И, что очень важно, каждый участник может не только проверить свои знания, но и увидеть свои ошибки в ответах и, следовательно, повысить свою правовую грамотность.

А от того, насколько граждане знают свои права и обязанности, сформированы о нормативных правовых актах, принимаемых законодательной властью, умеют ими пользоваться, во многом зависит социально-экономическая ситуация в стране. Человек, обладающий высоким уровнем правовой грамотности, является гарантией успеха в решении задач дальнейшего совершенствования развития как правового государства, так и гражданского общества в России. Особенно важно это для молодежи, которая является, как утверждал великий русский врач Н. И. Пирогов, барометром общества, о нравственном здоровье и перспективах которого можно и нужно судить по процессам, которые развиваются в молодежной среде.

Библиографический список

1. Аристотель. Никомахова этика (пер. Н. В. Брагинской) // Сочинения : в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. Т. 4. М., 1983. С. 53–293.

2. Доватур А. И. «Политика» Аристотеля // Сочинения : в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. Т. 4. М., 1983. С. 38–52.

3. Егина Л. Г. Актуальность изучения идеи правового воспитания подрастающего поколения в наследии Аристотеля // Современные исследования в социально-гуманитарной сфере : сб. науч. тр. по мат-лам Междунар. науч.-практич. конф. 24 сентября 2020 г. Белгород : Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 10–16.

4. Ильин И. Л. О сущности правосознания. М. : Парогъ, 1993. С. 34–35.

5. Ковалев И. А. Правовое сознание в работах Платона и Аристотеля [Электронный ресурс]. URL: cyberleninka.ru

6. Патрикеева Э. Г., Соловьева О. А., Селезнева Т. А. Влияние виртуального пространства сети Интернет на жизненные ценности современной молодежи [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/90/18990/> (дата обращения: 11.12.2021).

7. Покровский И. А. История пимского права: «Галльское нашествие — захват Рима в 387 г. галлами. Нашествие галлов оказалось недолгим, но было связано с многочисленными разрушениями, и в том числе с гибелью оригинального текста «Законов XII таблиц» [Электронный ресурс]. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/25/page_17.html (дата обращения: 18.11.2021).

8. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-п) [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 21.11.2021).

9. Энгель Е. А. Социология. Краткий курс средней школы. Пг., 1919.

10. Якушева И. П. Формирование правового сознания российской молодежи как фактор совершенствования правопорядка [Электронный ресурс]. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/59724-formirovanie-pravovogo-soznaniya-rossijskoj-molodezhi-faktor-sovershenstvovaniya> (дата обращения: 26.11.2021).

УДК 336.02

Салий А. А.,

студентка 4-го курса факультета экономики,
менеджмента и торговли;

кафедра экономики и управления, направление «Менеджмент».
Краснодарский филиал Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Краснодар
Angelka0001@mail.ru

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Актуальность темы заключается в необходимости решения проблемы финансовой функции налоговых механизмов. На совре-

менном этапе развития общества проблемы и особенности налоговой политики России являются наиболее животрепещущими и значимыми. В статье рассматриваются существующие проблемы и недостатки действующей налоговой политики в России, определяются основные направления ее совершенствования, прежде всего — борьба с налоговым злоупотреблением.

Ключевые слова: налоги, налоговая политика РФ, современная налоговая политика, налоговые проблемы.

Целью исследования является изучение теоретических аспектов налоговой политики, а также обозначение основных направлений и механизмов реализации налоговой политики Российской Федерации с учетом того, что мировая практика доказала: налоговая система, является наиболее активным регулятором экономики в руках государства [3, с. 189].

Налоговая политика — система мер правительства в области налогов и сборов, составная часть финансовой политики государства. Она выражается в выборе видов налогов, величин налоговых ставок, круга налогоплательщиков и объектов налогообложения, налоговых льгот.

Фискальная политика страны должна быть ориентирована, в первую очередь, на достижение состояния налоговой системы, в которой формируется стабильность всех ее компонентов, а также на способность защищать экономические интересы государства и противодействовать внешним и внутренним угрозам.

Такая политика желательна по справедливости или по другим причинам, но в то же время она может подразумевать неэффективность распределения потребительских расходов. В условиях рыночных отношений, особенно в переходный период к рынку, налоговая система является одним из основных экономических регуляторов, основой финансово-кредитного механизма государственного регулирования экономики [2, с. 33].

Обеспечивая развитие страны, решая социальные проблемы общества, государству необходимо использовать весь арсенал имеющихся у него способов воздействия на экономику. Первым, кто заметил это и сделал соответствующее заключение, был немецкий экономист А. Вагнер. Его расчеты и теоретические работы были поистине революционными, потому что он одним из первых понял ограничения рынка, разделил экономику на два сектора — государственный и частный и сформулировал закон об усилении государственной деятельности. В соответствии с этим, во всех странах, где быстро развиваются рыночные отношения, государственные расходы должны увеличиться.

Более того, по словам А. Вагнера, в условиях рынка именно финансовая политика государства определяет социальный и научно-технический прогресс. Однако эти процессы не должны остановиться только на производственной и финансовой деятельности субъектов предпринимательства.

Основными направлениями налоговой политики на 2021 год является выполнение социальных задач, но это не единственная цель, которую определяет фискальная политика, проводимая государством. Одним из наиболее важных с точки зрения сохранения суверенитета страны является финансирование средств национальных вооруженных сил. Ресурсы для пополнения бюджета в необходимых объемах необходимы государству для решения приоритетных задач на международной арене [1].

Если инструменты налоговой политики, используемые властями в 2021 году, будут достаточно эффективными, то монетарные власти страны с меньшей вероятностью будут зависеть от иностранных кредиторов. Поскольку речь идет о специфике российской модели, то можно выделить следующий спектр:

- 1) совершенствование национального механизма сбора налогов, регулирующего его правовую систему, с целью оптимизации сбора доходов в казну;
- 2) мониторинг качества реализации ключевых пунктов государственной стратегии в области сбора налогов;
- 3) рациональное распределение средств в рамках бюджетных отношений.

Не менее важно отметить, что целями государственной политики Российской Федерации в области международной помощи развития являются:

- 1) искоренение нищеты и содействие устойчивому социально-экономическому развитию стран-партнеров, включая постконфликтные государства;
- 2) влияние на глобальные процессы с целью создания стабильного и справедливого мирового порядка на основе общепризнанных норм международного права и партнерских отношений между государствами;
- 3) реагирование на природные и техногенные катастрофы и другие чрезвычайные ситуации;
- 4) укрепление позитивного имиджа Российской Федерации и ее культурно-гуманитарного влияния в мире [4, с. 72].

В заключении, хочется отметить: чтобы государство не было нейтральным наблюдателем подобных процессов, необходимо активно и целенаправленно поддерживало все те рыночные институты, которые стимулируют взаимный контроль субъектов экономики за добросо-

вестной уплатой налогов. Поощрение такого контроля составляет одно из важнейших достоинств недавно проведенной пенсионной реформы. Кроме того, государству также целесообразно поддержать потребительское кредитование, ипотеку, прочие виды коммерческой активности, при вовлечении в которые субъекты экономики заинтересованы делать гласными свои подлинные, а не заниженные доходы.

Библиографический список

1. Сайт: Бизнесс.ру. URL: <https://www.business.ru/news/10515-minfin-opredelil-nalogovuyu-politiku-na-2020-i-2021-gody>

2. Белоусова А. А., Землякова А. В. Применение специальных налоговых режимов индивидуальными предпринимателями // Инструменты современной научной деятельности : сб. ст. Междунар. науч.-практич. конф. (Магнитогорск, 8 февраля 2016 г.). Магнитогорск : ОМЕГА САЙНС, 2016. С. 31–34.

3. Землякова А. В. Первые результаты и перспективы введения налога на профессиональный доход // Экономика устойчивого развития. 2020. № 4 (44). С. 185–189.

4. Землякова А. В. Налоговые преобразования как часть нового политического цикла / А. В. Землякова // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12-2(77). С. 71–73.

УДК 347.265

Соколова А. Ю., Мамедова Э. Б.,
студентки 3-го курса

факультета мировой экономики и права.

Н.Р.: Матиящук С. В., доктор юрид. наук, профессор.

Сибирский государственный университет путей сообщения,

Новосибирск

stasy.sokolova@icloud.com;

memi.m987@gmail.com

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЕРВИТУТА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Сервитут является одним из наиболее важных понятий Римского частного права и одним из наиболее уникальных правовых явлений, однако присутствует и в современных реалиях. Сервитут имеет много разнообразных форм для выражения, но одно остается неизменным — необходимость правового регулирования данного института права. Статья раскрывает понятие сервитута; его происхождение, порядок становления и дальнейшее развитие на территории Российского царства и Российской империи. Кроме того, описываются особенности

его существования в настоящее время и перспективы развития в реалиях российского права.

Ключевые слова: сервитут, земельный сервитут, установление сервитута, государственная регистрация сервитута, гражданское право, земельное право, римское право.

С древних времен, пропорционально увеличению численности населения, повышался и спрос на естественные ограниченные ресурсы. К таковым также относятся и земельные территории. В связи с увеличением количества споров, развитием вещного права и Римского частного права в целом появился отдельный правовой институт — «сервитут».

Данное понятие происходит от латинского слова *servitutis* (подчиненное положение) [1] и означает законодательно установленное ограниченное право пользования чужим земельным имуществом. Изначально, сервитуты делились на срочные и бессрочные, на постоянные и непостоянные, на положительные и отрицательные, на платные и бесплатные, и другие. В настоящее время, согласно Земельному кодексу Российской Федерации, основной классификацией сервитутов является источник его установления: частный и публичный [3, с. 139].

«Частный сервитут» — это сервитут, который устанавливается договором между собственником земельного участка и заинтересованным лицом; или, в случае возникновения спора, его судьба решается органом исполнительной власти и судом.

«Публичный сервитут» — это сервитут, который устанавливается законодательно или представительными органами власти.

Наиболее ярко выраженные этапы развития сервитутов в Римском праве — республиканский и имперский. Здесь следует обратиться к личным и предиальным сервитутам. Первый из них принадлежит персонально определенному лицу, а второй — собственнику земельного участка. Личный сервитут делится на пользование вещью, на потребляемые вещи, на пользование жилым имуществом и на пользование рабом и животным; а предиальный — на сельский (дорожный, водный, пастбищный) и городской.

На этом этапе было сформировано понятие сервитута и положено начало его современной классификации и основных его принципов.

Следующим значимым периодом, необходимым для становления российского гражданского законодательства, является дореволюционный период. Начиная со времен царствования, вплоть до свержения монархии в 1917 году, плодородные пахотные земли представляли большую ценность для всех слоев населения, поэтому стремление при-

обрести большой объем земельных участков в пользование, в частности, на основе вотчинного или поместного права, был значительным. Однако права третьих лиц на нахождение на данных землях не были значительно лимитированы, так как права помещиков ограничивались исключительно использованием землями по назначению, без осуществления воспрепятствования нахождения на этих землях в силу того, что при передаче земель в пользование они оставались собственностью государства. К сожалению, эта норма закона активно нарушалась.

Позже, в 1617 году появилось право «участия частного» на территории сельских территорий, что означало появление возможности запрещать совершать воздействия негативного характера в отношении своего земельного участка, право ограничивать влияние соседей на собственную территорию. В это же время мы можем проследить законодательное закрепление сервитута в Соборном Уложении. Так, в XVII веке были обозначены предпосылки образования сервитутов и в городских местностях. Позже, в XVIII веке, происходило укрепление сервитутных начал, а уже в XIX веке, в связи с отменой крепостного права, сервитуты нашли свое проявление в виде существования крестьянской поземельной общины (1861–1906 годы). Затем, в 1910 году, благодаря аграрной реформе, инициированной П. А. Столыпиным, общинное землевладение сменилось на мелкоземельное, что послужило толчком для усложнения сервитутного законодательства и законодательства в сфере частной собственности в Российской империи.

Итак, к концу царского и имперского периодов государство имело частично сформированный институт сервитутов, имеющий благоприятные перспективы развития. Была сформирована база сервитутного законодательства, значительным образом схожая по своей сути с Римскими сервитутами.

Заключительным этапом становления и развития сервитутов стал послереволюционный.

В советский период сервитутное право пришло в упадок, так как, согласно Декрету о земле 1917 года, государство безвозмездно монополизировало право собственности на землю и земельные сервитуты временно перестали существовать. Понятие «сервитут» во всех кодексах СССР отсутствовало.

Однако в постсоветский период, в связи с переходом России к рыночным отношениям, началась реформация частных прав и модернизация советского законодательства. С результатами данных изменений мы взаимодействуем в настоящее время.

Все периоды и этапы эволюции сервитутов послужили основой для формирования современного права.

Современное сервитутное право имеет закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации, в Земельном кодексе Российской Федерации, в Лесном кодексе Российской Федерации, в Водном кодексе Российской Федерации, других природоресурсных кодексах Российской Федерации и подзаконных актах.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [2, с. 865] вступил в силу 1 января 1995 г., и с этого времени в статьях 216, 274–277, 613, 694 законодательно закреплено понятие «сервитут»; определен порядок его возникновения, сохранения, прекращения и обременения им объектов.

Так, согласно п. 1 ст. 274 Гражданского кодекса Российской Федерации, собственник недвижимого имущества (земельного участка, другой недвижимости) вправе требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях и от собственника другого земельного участка (соседнего участка), предоставления права ограниченного пользования соседним участком (сервитута).

Так как речь идет о правах на недвижимость, сервитуты подлежат государственной регистрации и считаются установленными с момента такой регистрации.

Как и было сказано ранее, по российскому законодательству, в настоящее время существует два наиболее значимых вида сервитута: частный и публичный, следовательно, сервитут может возникнуть в результате одного из двух юридических фактов: заключение договора об установлении сервитута или вынесение акта государственной регистрации сервитута, соответственно.

Земельный кодекс Российской Федерации вступил в силу 30 октября 2001 года и с этого времени в ст. 23 и гл. V. 3 регламентирует основные особенности реализации права на частные и публичные сервитуты.

В настоящее время, в отличие от раннего периода, органы власти не имеют права установить сервитут на участке у правообладателя, если это сказывается негативно, более того, хозяин участка может получить компенсацию за установление на его территории сервитута.

Так, согласно п. 12 ст. 23 Земельного кодекса Российской Федерации, правообладатель земельного участка, обремененного сервитутом, вправе требовать соразмерную плату от лиц, в интересах которых установлен сервитут, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, или федеральным законом, или согласно п. 13 ст. 23 Земельного кодекса Российской Федерации, в случае, когда установление публичного сервитута приводит к существенным затруднениям в использовании земельного участка, его правообладатель вправе требовать от органа государственной власти или органа местного самоуправления, устано-

вивших публичный сервитут, соразмерную плату, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом.

По нашему мнению, в российском сервитутном праве существуют и недостатки, причина которых, в большей степени, находится в недолгом периоде разработанности современного частного права Российской Федерации: со времен дореволюционного сервитутного права Российской империи и Российской Федерации произошел большой скачок во всех сферах жизни общества. Данные недостатки выражаются в массе противоречий, недоработанностей и неконкретизированностей норм сервитутного права; они же формируют разность подходов гражданского и земельного законодательства к регулированию сервитутов.

В перспективе развития сервитутного права в Российской Федерации ожидаются либо реформаторские изменения и усовершенствование норм права в данной сфере, либо «вымирание» сервитута как института права и пришествие на его место иного.

Скорее всего, в ближайшее время нас ожидает период реформ, поскольку такой институт права, как сервитут, был необходим обществу со времен Древнего Рима и не потерял своей актуальности и в настоящее время.

Библиографический список

1. Афанасьев И. В. Сервитут в гражданском праве. М. : Юрайт, 2019. 154 с. (Серия : Актуальные монографии).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // СЗ РФ. № 32. Ст. 3301.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 01.09.2021) // СЗ РФ. № 47. Ст. 1735.

УДК 336.2

Стерхова А. А.,

студентка 4-го курса факультета экономики, менеджмента и торговли.

Краснодарский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Краснодар
nsysnm@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРИНЦИПОВ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Аннотация. В статье представлено исследование сущности системы принципов, оказывающих воздействие на формирование налоговой системы и проводимую государством налоговую политику. Проведен их

критический анализ и структурно-логическое закрепление в законодательстве. В результате установлено, что проблема сущностного отражения принципов налогообложения недостаточно проработана и актуализирована.

Ключевые слова: принципы; налогообложение; налоговая система; налоговая политика.

В настоящее время в практике многих стран в отношении налоговой политики возникают большее количество спорных вопросов, одним из которых является разработка системы принципов налогообложения. Данные принципы особенно важны при построении налоговой системы. Тем не менее на ряд спорных вопросов на научном уровне пока нельзя дать однозначный ответ.

К примеру, часто возникают разногласия в понимании структурной природы некоторых принципов, а также в определении количественного состава действующих налоговых принципов, вследствие чего проблема включения налоговых принципов в налоговое законодательство остается на усмотрение каждой страны.

Такие принципы, как справедливость, определенность, удобство, экономичность, нейтральность, единообразие и умеренность, наиболее известны в научном мире. При их анализе возникают вопросы: должны ли они быть закреплены в законе? Должны ли быть заложены в закон только основные принципы? Ученые не дали четких ответов на эти вопросы.

Например, в самой важной публикации по теории налогообложения говорится, что налоговые принципы не могут легально существовать вне правовой базы, которая их регулирует, а затем делается вывод, что главным условием существования и признания принципа является то, что он должен иметь законодательный статус [1].

Так, в статье 3 Налогового кодекса «Основные начала законодательства о налогах и сборах» закреплена ряд принципов, имеющих большое значение как для структуры, так и для функционирования российской налоговой системы.

Сформулированы три основных принципа:

- 1) законодательное установление налогов и сборов;
- 2) универсальность и равенство налогообложения;
- 3) учитывается фактическая способность налогоплательщика к уплате налога.

Особого внимания требует принцип установления налогов и сборов на законодательном уровне. Соответствующие положения Налогового кодекса посвящены обязанности организации уплачивать на-

логи и сборы, предусмотренные законодательством, а не законности взимания налогов и сборов. Другими словами, здесь говорится именно об обязательстве, а не законности. Таким образом, из положений статьи 3 Налогового кодекса не следует, что налоги и сборы могут устанавливаться исключительно законом. Этот принцип, как и принцип законодательного приоритета, должен быть включен в соответствующие статьи Налогового кодекса.

Следующим принципом является признание универсальности и равенства налогообложения. Главное положение в нем то, что налоговое законодательство берет это признание за основу. Подчеркивается именно признание универсальности и равенства, а не универсальность и равенство налогообложения как такового. Действительно, абсолютной универсальности и равенства налогообложения достичь невозможно, поскольку понятие «равенство» в налогообложении практически не определено, а универсальность означает, что никто не может быть освобожден от некоторых налогов или всех налогов, взимаемых государством. Что касается концепции равенства, то необходимо проанализировать несколько вопросов, например, должны ли налогоплательщики платить налоги по одной ставке или по разным ставкам на основе одних и тех же правил? Что следует предпринять в связи с необходимостью дифференцировать налоговые ставки и льготы? Анализ этих вопросов позволяет предположить, что налоговое законодательство не совсем точно отражает необходимость следования принципам равенства и универсальности как цели создания налоговой системы.

Принцип, согласно которому должна учитываться платежеспособность налогоплательщика, еще менее четко выражен в законодательстве. Это сразу же вызывает ряд актуальных вопросов. Во-первых, как можно учесть фактическую способность каждого налогоплательщика уплачивать налоги? Ведь, все налогоплательщики разные по уровню жизни, квалификации, статусу, уровню доходов и множеству других признаков. Соответственно, в таком случае возникает вопрос: как определить критерий, по которому можно будет справедливо определить фактическую дееспособность как каждого налогоплательщика, так и в совокупности всех налогоплательщиков?

Уже принцип налоговой определенности Адама Смита подразумевает, что законодательство должно быть сформулировано так, чтобы каждый налогоплательщик однозначно мог определить, какие налоги (сборы, страховые взносы) он должен платить, когда и в каком порядке. В связи с этим в налоговом законодательстве следует определить процедуры, сроки и порядок расчета налогов таким образом, чтобы каждый налогоплательщик мог их понять.

Анализ налоговой системы разных стран показал, что в большинстве стран она представлена в достаточно сложном виде, и полностью разобраться в ней могут только профессионально квалифицированные налоговые консультанты. Тем не менее, правительства ожидают от граждан полного соблюдения налоговых требований, которые применяются к ним. Граждане испытывают трудности в определении того, применяются ли к ним налоговые правила, в технических расчетах для определения суммы налога к уплате и в сроках уплаты налога [2].

Именно поэтому налоговое консультирование стало широко распространенным институтом во всем мире. Согласно статье 21 Налогового кодекса, налогоплательщик имеет право бесплатно получить в налоговой администрации информацию или же консультацию о действующих налогах, правах и обязанностях налогоплательщика, порядке исчисления и уплаты налогов и так далее, в том числе в письменной форме, в инспекции по месту своего учета. Вероятно, из-за невозможности полного соблюдения требований принципа определенности, существует положение о том, что любые несоответствия, сомнения или неясности в законодательстве должны толковаться в пользу налогоплательщика. На наш взгляд, было бы уместно расширить эту формулировку, уточнив, что налогоплательщик имеет право «быть проинформированным сотрудником налоговой администрации, обладающим достаточной квалификацией в области налогообложения и налогового законодательства». Таким образом, можно прийти к выводу, что вышеуказанный принцип должен упоминаться не как необходимое условие, а как цель, к которой необходимо стремиться.

Примечательно также, что в законодательстве отсутствует основной и самый важный принцип — принцип справедливости. Интересно, что в первоначальной версии Налогового кодекса он применялся в сочетании с принципом платежеспособности налогоплательщика, который основывался на справедливом налогообложении, но позже это положение было исключено. Однако отсутствие этого принципа в законодательстве не должно означать, что нет необходимости стремиться к справедливости в налогообложении. Исходя из вышесказанного, мы считаем, что положение о справедливости налогообложения должно быть включено в Кодекс в качестве основополагающей цели [3].

Проблема заключается в том, что, помимо четко сформулированных принципов, о которых мы говорили выше, многие принципы не только не сформулированы четко, но и разбросаны по разным главам и статьям Налогового кодекса. Например, принцип определения элементов налога, который определяет его законность, когда все элементы налога определены законом, закреплен в статье 3 пункт 6, где совершенно ясно

говорится, что все элементы налогообложения должны быть определены при введении налогов.

В отличие от этого, принцип законодательного приоритета прямо не закреплен в качестве принципа налогообложения. Также можно отметить, что он изложен лишь поверхностно и в общем виде. Так, в ст. ст. 6 и 17 Налогового кодекса, которые предусматривают, что налог взимается только в том случае, если определены как элементы, подлежащие налогообложению, так и сами налогооблагаемые лица, данный принцип не раскрывается.

Вместе с тем принцип нейтральности закреплен в статье 3 Налогового кодекса, но не имеет четкой структуры и завершенности, так как изложен в разных пунктах указанной статьи Кодекса.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в Налоговый кодекс следует включить отдельную главу о принципах налогообложения. Следовательно, они будут участвовать как в формулировании и реализации налоговой политики, так и в проектировании и развитии налоговой системы. На наш взгляд, эта специальная глава должна состоять из двух частей: первая часть должна охватывать принципы, оказывающие непосредственное влияние: принцип единства налоговой системы, прозрачность, множественность и дифференциация налогов и наличие налоговых элементов в законодательстве. Вторая часть должна содержать принципы, которыми следует руководствоваться при разработке налогового законодательства, определяя будущую цель: ее должны преследовать как законодатель, так и исполнительная власть для улучшения налоговой системы. Например, такие принципы, как эластичности, эффективность и, самое главное, справедливость. По нашему мнению, нарушение вышеуказанных принципов налоговым и неналоговым законодательством на всех уровнях должно быть основанием для оспаривания такого законодательства.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс РФ. Часть первая: от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 15.02.2016 № 32-ФЗ, от 05.04.2016 № 101-ФЗ, от 05.04.2016 № 102-ФЗ, от 26.04.2016 № 110-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>

2. Землякова А. В. Налоговые преобразования как часть нового политического цикла // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12-2(77). С. 71–73.

3. Пансков В. Г. Принципы налогообложения и их отражение в российском налоговом законодательстве // Налоги и налогообложение. 2017. № 10. С. 17–26.

Нургалиева Л. Н.,
канд. юрид. наук, старший преподаватель
кафедры гуманитарных дисциплин и профсоюзного движения.
Башкирский институт социальных технологий (филиал)
Академии труда и социальных отношений, Уфа
nurgalieva.ln@ufabist.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Рынок труда в Российской Федерации, как и во всем мире, претерпел существенные качественные и количественные изменения за последние полтора года. Снижение уровня безработицы органы государственной власти теперь намерены осуществлять не через увеличение мер государственного обеспечения соответствующими пособиями, а путем развития и поддержки самозанятости и активности населения.

Ключевые слова: рынок труда, безработица, меры государственной поддержки, высвобождение рабочей силы, эффективность, самозанятость, ограничительные мероприятия.

Социально-экономическое развитие России, как и мировой экономики в целом, в первой половине 2020 года определялось, прежде всего, эпидемиологической ситуацией, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции. Главной стратегией в трудовой сфере стал максимальный переход работников на удаленную работу на определенных работодателем условиях, так называемых длительных периодов нерабочих оплачиваемых дней. Часть отраслей народного хозяйства (сфера бытовых услуг, туризм, авиаперевозки и ряд других) привело к сокращению деятельности хозяйствующих субъектов и, соответственно, высвобождению («добровольно-принудительное увольнение») работников. В открытых сведениях Росстата отсутствует информация о сокращении численности или штата в организациях вышеуказанных отраслей, наиболее пострадавших в период введения ограничительных мероприятий в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции.

Следует отметить, что в качестве адаптации российского рынка труда к происходящим изменениям можно рассмотреть не только процедуру высвобождения рабочей силы, но и временное (на определенный согласованный период) сокращение рабочего времени и оплаты труда

с сохранением занятости, а также набор мер активной государственной политики по развитию сектора индивидуального предпринимательства и самозанятых граждан.

Тем не менее следует отметить и выявленную положительную тенденцию: развитие новых форм занятости и обучения, прежде всего, дистанционных, что создает потенциал для кардинальных структурных изменений на рынке труда, в сфере образования и переквалификации. Возможно существенное повышение гибкости рынка труда как со стороны спроса, так и со стороны предложения, быстрая и во многом саморегулируемая подстройка системы образования и переквалификации к потребностям экономики, снятие территориальных барьеров и объединение региональных рынков труда и образования для многих профессий в один федеральный рынок с усилением конкуренции, повышением качества оказания услуг. Для ускоренного развития этих процессов необходимы были создание соответствующей инфраструктуры для удаленного общения и взаимодействия, соответствующая настройка правового регулирования взаимоотношений в данных сферах. Дистанционный труд с дистанционной системой переподготовки персонала может стать основой решения проблемы эффективной занятости населения в целом по стране, учитывая ускоренную цифровизацию как в государственном, так и в частном секторе.

При этом нововведения в законодательстве в сфере социально-экономического развития Российской Федерации в рассматриваемый период произошли не только во взаимосвязи с обстановкой угрозы распространения новой коронавирусной инфекции, но и по большей части носили плановый характер. Так, переход на электронные трудовые книжки начался поэтапно в 2020 году (с 1 июля, затем с «отсрочкой» — с 1 октября), работодатели уже ведут учет сведений о трудовой деятельности (СТД) работников в электронном виде и сдают отчет по форме СТД-Р в Пенсионный фонд Российской Федерации, а с 2021 года при заполнении форм СТД-Р работодателям, которые обязаны применять профстандарты, нужно указывать и код выполняемой функции. В качестве мотивации и ускорения процесса внедрения в работу электронных трудовых книжек на основании Федерального закона от 01.04.2020 года № 90-ФЗ вступила в силу новая редакция ст. 15.33.2 КоАП РФ, согласно которой вводятся санкции для должностных лиц в виде предупреждения или штрафа за нарушение срока представления СТД-Р; за подачу недостоверных или неполных сведений о трудовой деятельности в СТД-Р.

«Политика» перевода документов в трудовой сфере в электронный формат стала реальностью и внедряется после «легализации» дис-

танционного выполнения работником трудовой функции. Изменения в гл. 49.1 Трудового кодекса РФ, вступившие в силу с 1 января 2021 г., усугубили положение работника, осуществляющего работу дистанционно, а именно: привлечение работника к труду в дистанционном режиме возможно по инициативе работодателя без согласия работника (в установленных законом случаях: не установлены), а также периодически, то есть посредством своеобразного чередования по инициативе работодателя. Кроме этого, теперь работодатели смогут увольнять «дистанционных работников» только по общим и дополнительным основаниям, установленным Трудовым кодексом РФ. Дополнительные основания содержатся в новой ст. 312.8 ТК РФ. Это случаи, когда:

1) дистанционный работник не взаимодействует с работодателем два дня подряд с момента направления рабочего запроса, если более длительный период для ответа не предусмотрен коллективным или трудовым договорами, локальным нормативным актом;

2) сотрудник переезжает в другую местность, и это влечет невозможность продолжения работы на прежних условиях.

Не в плановом режиме внесены изменения и в трудовое законодательство Российской Федерации в сфере применения иностранной рабочей силы. Так, установлена допустимая доля иностранных работников на 2021 год в размере 70% общей численности работников в отношении управления недвижимым имуществом за вознаграждение или на договорной основе и деятельности по обслуживанию зданий и территорий. Плюс ко всему утверждены форма ходатайства иностранного гражданина (лица без гражданства) о привлечении его в качестве высококвалифицированного специалиста, форма уведомления о прекращении (расторжении) трудового договора или гражданско-правового договора о выполнении работ (оказании услуг) с иностранным гражданином (лицом без гражданства).

В данной статье изложены актуальные нововведения в трудовое законодательство Российской Федерации, которые служат своего рода инструментом качественного и относительно быстрого решения (с обоснованием их эффективности) проблем российского рынка труда в условиях пандемии. При этом данные инструменты носят характер не просто тотального государственного уровня, но и в солидарности, партнерстве и согласованности с населением, с ее гражданской и экономической инициативой.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 16.12.2019 № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде».

2. Постановление Правления ПФ РФ от 25.12.2019 № 730п «Об утверждении формы и формата сведений о трудовой деятельности зарегистрированного лица, а также порядка заполнения форм указанных сведений».

3. Приказ Минтруда РФ от 20.01.2020 № 23н «Об утверждении формы сведений о трудовой деятельности, предоставляемой работнику работодателем, формы предоставления сведений о трудовой деятельности из информационных ресурсов Пенсионного фонда Российской Федерации и порядка их заполнения».

4. Постановление Правительства РФ от 12.11.2020 № 1823 «Об установлении на 2021 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности».

УДК 340

Тухватуллаева К. К.,
студентка 2-го курса юридического факультета
Н.Р.: Газизова А. И.,
д-р пед. наук, профессор.
Казанский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции, Казань
kamila.tukhvatullaeva@mail.ru

ПРАВО РОССИИ, ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Аннотация. В статье обозначены актуальность изучения правовых систем, рассмотрены сущность и особенности романо-германской и англо-американской систем права, их взаимосвязь; выделены группы французской, английской и российской правовых систем, проведен сравнительный анализ, обозначены сходства и различия.

Ключевые слова: правовая система, романо-германская система, англо-американская система.

В эпоху глобализации и растущей взаимозависимости народов мира изучение правовой карты современного мира приобретает все большее значение. Актуальность изучения правовых систем современности обусловлена тем, что по мере развития науки экономики, новых технологий, культуры и образования углубляются и расширяются связи между народами, их правовыми системами, в связи с этим появляются новые области знаний, которые недостаточно хорошо исследованы и нуждаются в комплексном анализе. Также изучение основных правовых си-

стем ведет к развитию разносторонних отношений со всеми странами и народами, осознанию пагубных последствий самоизоляции отдельной страны от других стран. В наш прагматичный век исследование различных правовых систем, в том числе при изучении иностранного языка в вузе, помогает глубже понять тонкую связь истории, культуры и права [2].

Интерес к изучению правовых систем находит отражение в многочисленных исследованиях отечественных (М. Н. Марченко, В. И. Лафицкий, М. Ю. Спиринов, В. Н. Синуков) и зарубежных ученых (Раймон Леже, Камиллы Жоффре-Спинози и др.), раскрывающих разные аспекты развития национальных систем права, в том числе России, Франции, Китая, Великобритании. Методологией исследования экспертов явилась совокупность методов и принципов научного познания, ведущими из которых являлись диалектический, исторический и сравнительно-правовой [1].

Исследования и практика показывают, что в мире существует множество правовых систем различного уровня. Обстоятельства места, времени и условий развития тех или иных народов объективно формировали различные национально-правовые системы. Именно это и привело к формированию семей права, т. е. совокупностей национально-правовых систем отдельных государств, объединенных общими сущностными признаками.

Мировые системы права в юридической науке и практике традиционно подразделяются на две разновидности:

1. Романо-германская система основывается на восприятии материальных норм римского права; она формируется с XI–XII вв. в рамках университетов. К этой семье относятся Франция, Германия, Бельгия и др.

2. Англо-американская система, ее идея строится на основе восприятия процессуальных норм римского права. Главный источник права — судебный прецедент, иначе правила, которые выпускаются судами и становятся нормами права. В эту семью входят Англия, Ирландия, США и др. [5].

Обратившись к изучению отличий этих систем права заметим, что в историческую основу романо-германской системы входят материальные нормы и институты римского права, например, правоспособность, исковая давность, право собственности, обязательства, договоры, наследование и т. п. В основу включены гражданский и торговый кодексы. Нормы права охватывают широкий спектр отношений, которые характеризуются общими признаками. Право разделяется на частное и публичное, гражданское и торговое.

К группе романо-германского права относится правовая система Франции нового времени. Она сформировалась во время Великой французской революции (1789–1794 гг.) и в первые десятилетия после, в годы правления Наполеона (1799–1814 гг.). Современное французское право, которое изложено в гражданском кодексе и более поздних законах, характеризуется, прежде всего, последовательным развитием указанных выше отношений [5].

В историческую основу англо-американского права легли процессуальные нормы римского права, грубое разграничение права, исходящего от органов власти, и права неписанного, складывающегося на практике. В основе источников права: прецедентное право, законы, играющие вторичную роль. Кодексов не имеется. Нормы формулируются применительно к конкретным жизненным ситуациям, узкие по содержанию. Отрасли права не выделены, разделения права на частное и публичное не имеет места быть, потому что в силу своего возникновения все право определяется как публичное [2; 5].

Английское право является правовой системой Англии и Уэльса. Правовые системы большинства государств Британского Содружества наций и США, а также правовые системы смешанного типа включают в свою основу правовую систему Англии и Уэльса. Основа английского общего права в том, что оно создается судами. Компетенция создания права закреплена за судами Англии и Уэльса как конституционное полномочие. Таким образом, судьи в процессе слушаний, на основе принципа *stare decisis* (неукоснительно придерживаясь решенного ранее) применяют юридические прецеденты к фактам и обстоятельствам каждого конкретного судебного разбирательства [4; 6]. Необходимо отметить историческую преемственность английского права: некоторые принципы, положившие основу, вплоть до нашего времени имеют под собой прецеденты давности трех или даже четырех веков [6].

Система российского права также является элементом «правовой системы», отражением структуры права. Накопленная социальная информация размещается строго по отраслям и институтам, благодаря данной системе права. Крупнейший сегмент системы российского права – это отрасль права, которая выступает как совокупность норм права, регулирующая сферу общественных отношений. Если рассматривать разделение права с романской точки зрения, то можно заметить, что внутри отрасли располагаются институты, как совокупность правовых норм, воздействующие на какой-либо вид однородных общественных отношений. Для деления на отрасли привычно использовать предмет правового регулирования, как основной

материальный критерий, а также метод правового регулирования, как юридический. Тем самым методы и предметы правового регулирования могут сформировать различные законодательные комплексы без ограничений, характерных для немецкого и французского права. А значит российская система права более схожа с группой романо-германского права.

На фоне романо-германской и англо-американской систем правовая система Российской Федерации представляет сложнейший комплекс элементов, структур, норм, правосознания, традиций, образов национально-исторической, технико-юридической, социально – психологической природы. В более широком значении она представляет собой целый правовой мир, который имеет свою жизненную организацию, источники, архетипы, историю и будущее [3–4].

Благодаря исследованиям и анализам правовых семей Англии и Франции можно выделить признаки, придающие им некую индивидуальность. Для правовой системы Франции характерны такие признаки, как единая иерархически составленная система источников писаного права, доминирующее место в которой занимают нормативные акты; основная роль в формировании права отводится законодателю, создающему единые правила поведения, правоприменитель призывается для точной реализации этих общих норм в конкретных правоприменительных актах; немаловажную роль играют подзаконные нормативные акты; происходит разделение правовой системы на публичное и частное, а также на отрасли; выше всего стоят не обязанности, а права человека и гражданина. Английская правовая система обладает следующими признаками: ведущим источником права является судебный прецедент; основная роль в формировании права принадлежит суду; на первом месте стоят не обязанности, а права человека и гражданина; главное значение имеет процессуальное право; отсутствует привычное деление права на публичное и частное; возможно свободное развитие статутного права, а юридические обычаи выступают в качестве дополнительных источников; юридические доктрины, в основном, носят сугубо прикладной характер.

Очевидно, изучение международных правовых систем имеет большие фундаментальные перспективы, объективно вызвано необходимостью координации национальных интересов во избежание мировых, региональных и локальных конфликтов. Как показывают исследования, в современном мире в целом наблюдается процесс сближения правовых систем различных государств, их взаимопроникновение и взаимовлияние. Приоритетными среди норм права цивилизованных стран становятся, прежде всего, нормы, направленные на защиту прав и сво-

бод человека. Правда, наиболее сложно процессы унификации правовых норм и законодательства в целом протекают в тех государствах, правовые системы которых находятся под сильным воздействием религиозных и национальных традиций.

Библиографический список

1. Марченко М. Н. Правовые системы современного мира : учеб. пособие. М. : Зерцало, 2009. С. 528.
2. Панфилова В. М., Панфилов А. Н., Газизова А. И. Иноязычная компетентность как предмет исследования: теоретические подходы, сущность, структура и содержание // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-14. С. 3164–3169.
3. Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию / В. Н. Синюков, А. И. Демидов, О. О. Миронов, А. В. Мальков. М. : Норма, 2010. С. 396–425.
4. Толстик В. А. Иерархия источников российского права : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2020. С. 4–7.
5. Брокгауз Ф. А, Ефрон И. А. Французское право. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. : Издательское общество «Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон», 1907. С. 376–402.
6. Charalabidis Y. The World of Open Data. Concepts, Methods, Tools and Experiences // Springer International Publishing AG, partof. Springer nature, 2018. 2 p.

УДК 343.01

Усачева Е. А.,
адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров.
Академия управления МВД России, Москва
ketrinoketi@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И КОНТРОЛИРУЮЩИХ ОРГАНОВ

Аннотация. В статье описываются этапы реализации мер безопасности, применяемых в отношении должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов. Автор анализирует некоторые положения действующего законодательства, касающегося института «мер безопасности».

Ключевые слова: меры безопасности, должностные лица правоохранительных и контролирующих органов, государственная защита.

Современные политические реалии диктуют новые условия развития общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности человека. Явления политического характера напрямую связаны с государственной властью. Политика, проводимая в государстве, всегда тесно переплетается с деятельностью не только по организации общества, но и по управлению им, путем распорядительно-властного воздействия через специальные субъекты, с целью достижения наиболее важных и полезных целей для социума.

Л. И. Беляева — заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, посвятившая ряд научных исследований проблеме уголовной политики Российской Федерации, считает: чтобы определить содержание понятия «уголовная политика», необходимо обратиться к понятию более широкому, общему, а именно — к понятию «политика», которое имеет ряд характерных черт:

- во-первых, любая политика имеет четко определенный курс направления деятельности, а также конкретно заданный вектор движения в том или ином направлении;

- во-вторых, она носит публичный характер: «оглашена в положениях, характеризующих избранное направление развития»;

- в-третьих, базируется на предписаниях действующего законодательства, которые обуславливают властный характер полномочий должностных лиц, реализующих различные концепции политического характера;

- в-четвертых, носит многогранный характер, который выражается в взаимосвязанной работе разных институтов общества [4, с. 29].

Уголовная политика в целом имеет свои специфические особенности, однако, говоря о мерах безопасности, применяемых в отношении должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов (далее — меры безопасности), не представляется целесообразным освещать их все, в рамках рассматриваемой плоскости. Необходимо акцентировать внимание на таком ее аспекте деятельности, который взаимосвязан с обеспечением безопасности личности, общества и государства.

Уголовная политика Российской Федерации напрямую взаимосвязана с вопросами обеспечения безопасности как рядовых граждан, так и специальных субъектов — должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов. Без создания надлежащих условий не только реализации служебных обязанностей последних, но и их защиты нельзя говорить о высоком уровне защищенности всех граждан.

В теории уголовного права была разработана и закреплена система обеспечения безопасности вышеуказанных должностных лиц. Данная

система образована не только нормами УК РФ [1], закрепляющими уголовную ответственность за посягательства на охраняемые законодательством общественные отношения в сфере государственной власти, интересов государственной службы, порядка управления и ряда других, но и другими правовыми нормами, закрепляющими институт «государственной защиты».

Уголовная доктрина также закрепляет в качестве самостоятельного института — институт «мер безопасности». Данный правовой институт нередко в научной литературе отождествляется с институтом «государственной защиты», исследованию которого посвящены труды, таких научных деятелей как: А. В. Лукинский [7], Д. С. Соколов [9], А. Д. Шкода [10] и ряда других специалистов в данной области. При этом представляется, что понятие «государственная защита» шире понятия «меры безопасности», ввиду того что государственная защита не ограничивается исключительно применением мер безопасности, а может рассматриваться самостоятельно, например, в плоскости оперативно-розыскной деятельности.

При это важно отметить, как институт «мер безопасности» находит свое отражения в различных нормативно-правовых актах, например, в ст. 5 Федерального закона РФ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [2] (далее — ФЗ № 45), в ст. 6 Федерального закона РФ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [3] (далее — ФЗ № 119). Учитывая особенности защищаемых лиц (в первом случае значение имеет должностное положение лица, во втором же — процессуальный статус лица — «участники уголовного судопроизводства»). Можно заметить, что «меры безопасности» имеют различный характер, зависящий от специфики общественных отношений, в которые вовлечены субъекты, нуждаются в обеспечении высокого уровня защищенности, отличающейся от обыденного понимания «безопасности», что и обуславливает специфику реализации указанных мер.

С целью определения специфики реализации анализируемых мер необходимо обратиться к содержанию норм, закрепленных в ФЗ № 45, и выделить характерные для нее этапы:

1. Принятие решения о применении мер безопасности.

Данное решение принимается на основании: а) заявления лица, нуждающегося в защите указанными правовыми средствами; б) обращения начальника (руководителя органа) по месту службы (работы) или исполнении обязанностей; в) оперативная информация, содержащая сведения о наличии угрозы безопасности в отношении конкретно-

го лица, (отнесенного к лицам, указанным в ст. 2 «Лица, подлежащие государственной защите»).

2. Принятие решения о применении мер безопасности.
3. Применение (непосредственная реализация) мер безопасности.
4. Прекращение действия мер безопасности, их отмена.

Нельзя обойти стороной и «основание» применения анализируемых мер, под которым в соответствии со ст. 13 вышеупомянутого закона следует понимать «наличие достаточны данных», что свидетельствует о реальности угрозы безопасности для защищаемого лица.

Несмотря на то, что на сегодняшний день понятие «достаточности» не раскрыто законодателем, оно получило отражение в научной литературе, которая выделила два критерия: количественный и качественный.

Учитывая, что большая часть специалистов, занимающихся проблемой определения содержания понятия «достаточные данные», является процессуалистами, а рассматриваемая нами проблема лежит в плоскости реализации норм права, их применения, представляется уместным придерживаться при определении сущности понятия «достаточность» двух критериев: количественного и качественного [8, с. 1751].

Профессор В. А. Лазарева справедливо отмечает: «Оценка количественной характеристики доказательств осуществляется по внутреннему убеждению субъекта доказывания с учетом требований закона об обоснованности процессуального решения и выработанных практикой стандартов доказывания» [5, с. 142].

В. Г. Степанова подчеркивает, что в уголовно-правовой плоскости «достаточность данных... необходимо рассматривать применительно к их объему и характеру» [6, с. 72].

Анализируя данную точку зрения применительно к стадии «принятия решения о применении мер безопасности», следует отметить, что на данном этапе реализации указанных мер данная позиция тесно связана с оценкой уровня угрозы для защищаемых лиц.

Речь идет также и об оценке ее реальности. По общему правилу угроза должна быть «реальной» т. е. действительной, существующей. При несвоевременном реагировании на нее может быть причинен вред физический и (или) имущественный лицу или его близким, а также более тяжкие последствия, повлекшие смерть указанных лиц.

Однако следует уточнить, что законодатель предусмотрел возможность применения мер безопасности и в случаях отсутствия реальной угрозы безопасности (см.: ч. 2 ст. 9 ФЗ № 45»).

Понятие «достаточные данные» является, безусловно, понятием оценочным, содержание которого выявляется только с учетом конкретных ситуаций.

Таким образом, реализация мер безопасности, применяемых в отношении должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, осуществляется в несколько взаимосвязанных этапов. При этом функционирование самого института «мер безопасности» обусловлено политикой, проводимой в государстве, а также зависит от уголовно-правового обеспечения.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.

3. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ред. от 28.06.2021) // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

4. Беляева Л. И. Уголовная политика Российской Федерации : учебник : в 2 ч. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. И. Беляевой. Ч. 1. М. : Академия управления МВД России, 2018. 184 с.

5. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. 359 с.

6. Степанова В. Г., Коршунов А. В. Проблемы определения достаточности данных как основания для возбуждения уголовного дела // Право: история и современность. 2018. № 2. С. 69–74.

7. Лукинский А. В. Становление и развитие института государственной защиты: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 27 с.

8. Скабелин С. И. Соотношение понятий «Достаточные данные» и «Достаточные доказательства» в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1750–1754.

9. Соколов Д. С. Основания и уголовно-процессуальные процедуры государственной защиты участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. 30 с.

10. Шкода А. В. Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица контролирующего или правоохранительного органа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. 26 с.

Форушкина Е. А.,
соискатель кафедры гражданского права.
Н.Р.: Гонгало Б. М., д-р юрид. наук, профессор.
Уральский государственный
юридический университет, Екатеринбург
forekaat@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы нового института наследственного права — наследственного договора. В работе автором рассматриваются ключевые подходы к пониманию правовой природы наследственного договора. Указываются позиции относительно вопроса выбора норм права, применяемых к данным отношениям.

Ключевые слова: наследственное право, наследование, наследственный договор, завещание, договор.

Современное учение о наследственном договоре приписывает данному правовому институту любопытную «двойную природу», сочетающую в себе одновременно как признаки договора, так и распоряжения на случай смерти [11]. С одной стороны, наследственный договор является одним из оснований наследования, с другой — он представляет собой двустороннюю сделку между лицом, желающим распорядиться своим имуществом на случай смерти, и лицами, которые могут призываться к наследованию. Такая двойственность позволяет задаться вопросом о применении положений об обязательствах к отношениям сторон наследственного договора либо о ее недопустимости и, как следствие, применении исключительно норм наследственного права. Более того, обозначенная выше особенность правовой природы наследственного договора вызывает не только теоретический интерес, но и формирует проблему, связанную с необходимостью учета в законодательствах современных стран двойственной природы данного правового института для целей единообразной практики применения положений о наследственном договоре. Таким образом, необходимо установить, является ли наследственный договор разновидностью завещательных распоряжений (завещаний), либо одним из видов гражданско-правовых договоров, и какие гражданско-правовые нормы к нему применимы. В цивилистической литературе нет однозначного ответа на данный вопрос.

В настоящее время существует несколько подходов к пониманию и определению правовой природы наследственного договора. Так, П. В. Крашенинников рассматривает наследственный договор, независимо от правопорядка, как двустороннюю (возможна и многосторонняя) сделку, допускающую включение и односторонних распоряжений наследодателей, которые могли быть сделаны в завещании [2].

Другие авторы обращают внимание на бинарную правовую природу наследственного договора и, с одной стороны, рассматривают наследственный договор «как особую разновидность завещания, а с другой — как особый вид гражданско-правовых договоров» [7], при этом подобный подход не определяет положениями наследственного или обязательственного права необходимо руководствоваться в ходе регулирования общественных отношений, возникающих в результате заключения наследственного договора.

Интересным и достаточно спорным видится подход, имеющий место в отечественной доктрине [9], который устанавливает, что для стран континентальной Европы при определении правовой природы наследственного договора характерно понимание данного правового института как «инструмента для обхода норм наследственного права» и «гаранта защищенности интересов кредиторов умершего» [10]. Наследственный договор рассматривается не как институт договорного права и не как институт наследственного права, а как некая специфическая гарантия защиты прав граждан на уважение частной и семейной жизни [9].

В немецкой правовой литературе уже классическим является понимание наследственного договора одновременно и распоряжением на случай смерти, и договором [6]. Такой договор образует уникальную правовую категорию и не может рассматриваться исключительно распорядительным соглашением, поскольку после вступления договора в силу вещно-правовое положение между живыми лицами не меняется, а откладывается до смерти наследодателя, но в то же время и не может быть признан договором, взаимно связывающим его стороны обязательством, поскольку наследодатель не принимает на себя никаких обязательств и не обязуется делать определенные распоряжения на случай смерти [4].

Аналогичная позиция прослеживается и в отечественной литературе. Наследственный договор сочетает в себе признаки и завещательного распоряжения, и договорного обязательства, ввиду чего допускается возможность применения к наследственному договору общих положений об обязательствах и договорах, предусмотренных разделом III ГК РФ «Общая часть обязательственного права». Однако обя-

зательственный элемент данного правового института является второстепенным [8].

Таким образом, в отечественной правовой доктрине превалирует два подхода к пониманию природы наследственного договора.

В соответствии с первым подходом наследственный договор рассматривается как «прежде всего договор, поэтому на него распространяются предписания главы 27 Гражданского кодекса РФ, однако, учитывая его место в гражданском праве и наличие специального субъекта правоотношений (наследодателя), нельзя исключать положения о наследовании (гл. 61 Гражданского кодекса РФ)» [1].

Сторонники договорной правовой природы наследственного договора отмечают, что особенность наследственного договора проявляется именно в его двустороннем характере. Наследственный договор — это настоящий договор, который вступает в силу с момента его подписания и связывает сторону, сделавшую распоряжение на случай смерти. В то же время наследственный договор, как и любое другое распоряжение на случай смерти, выступает в качестве одного из оснований возникновения наследственного правоотношения, формирование состава которого происходит только после смерти лица, распорядившегося своим имуществом [3].

Второй подход основывается на двойственности природы наследственного договора. Так, «предложенная отечественным законодателем договорная модель распоряжения наследственным имуществом на случай смерти собственника вобрала в себя одновременно условия завещательного характера (условия о круге наследников, порядке передачи им имущества после открытия наследства, перечень и содержание завещательных наказов, отказов и возложений, правовое положение душеприказчика (ст. 1138, 1139, п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ), а также обязательно-правовые нормы и положения о договорах и обязательствах, условия о выполнении наследниками некоторых активных действий имущественного характера, указанные в договоре, в интересах завещателя» [5].

В связи с изложенным ряд современных цивилистов видят возможным применение к наследственному договору общих положений о договорах и обязательствах ввиду того, что, исходя из положений ст. 1140.1 ГК РФ, посвященных наследственному договору, следует, что достаточно обширное количество необходимых правовых характеристик данного договора не нашло своего законодательного закрепления. К ним, в частности, относятся процедура заключения наследственного договора, обязательные условия наследственного договора, применимость к ним принципа тайны, перечень субъектов, могущих выступать

в качестве третьих лиц в договоре, основания и последствия одностороннего отказа от наследственного договора наследниками, заключивших договор, пределы действия принципа свободы договора, гражданско-правовая ответственность сторон договора и прочее [8].

Анализ существующих подходов, применительно к правовой природе наследственного договора, позволяет признать, что наследственный договор имеет двойственную правовую природу. С одной стороны, это договор, поскольку содержит в себе основные признаки договора, такие как правомерность, согласованное волеизъявление сторон, выражающее общую волю двух или более лиц, направленность на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей, согласование существенных условий и соответствующая форма заключения договора [3]. С другой стороны, это основание наследования и способ распоряжения имуществом на случай смерти.

Таким образом, ввиду двойственной природы общественные отношения, возникающие в связи с заключением наследственного договора, в первую очередь должны регулироваться нормами наследственного права, но при этом с применением к нему общих положений о договорах и с учетом специфики данного договора.

Библиографический список

1. Катаева Д. Ю., Эккерт Т. В. Новеллы в гражданском законодательстве: наследственный договор // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: взгляд молодого ученого : сб. Всерос. студенческой науч.-практич. конф. (Пермь, 30 ноября 2018 г.) / отв. сост. И. А. Сыкалов. Пермь : Пермский ин-т Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 125–129.
2. Крашенинников П. В. Наследственное право. М. : Статут, 2018. 288 с.
3. Логинова К. Ю. Наследственный договор — правовые механизмы применения в действующем законодательстве Российской Федерации // Наследственное право. 2019. № 1. С. 12–15.
4. Лоренц Д. В. К вопросу о возмездности наследственного договора для целей виндикации // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 69–80.
5. Перемышленникова И. Н. О некоторых вопросах наследственного договора в гражданском праве России // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации : сб. науч. статей Всерос. науч. конф., посвященной памяти д-ра юрид. наук, проф. В. Н. Сусликова (Курск, 13–14 декабря 2019 г.). Курск : Юго-Западный гос. ун-т, 2019. С. 78–82.
6. Путинцева Е. П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С.58.
7. Тараканов А. В., Серов В. Н. О некоторых нововведениях института наследования в Российской Федерации // Образование и право. 2020. № 4. С. 117–123.

8. Шевчук С. С. Наследственный договор и его место в системе гражданско-правовых договоров // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 4 (49). С. 73–78.

9. Юзефович Ж. Ю. Наследственный договор как особый институт наследственного права Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2020. № 3. С. 82–84.

10. Reimann M. Einführung in das US: amerikansche Privatrecht. 2. Aufl. München, 2014. S. 337–338.

11. Urlich. Der Erbvertrag als Problem von Rechtswissenschaft. 2017. XIV, 531 Seiten. GRW 33.

УДК 347.78

Хасина А. А.,
магистрант 2-го курса.
Оренбургский институт (филиал)
университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург
a_khasina@bk.ru

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ ПРАВ

Аннотация. В статье рассматривается классификация дел о защите авторских прав по различным основаниям, а также приводится разграничение авторских споров и дел о защите авторских прав.

Ключевые слова: судебная защита, защита авторских прав, дела, возникающие из авторских правоотношений, авторские споры.

Гражданское право тесно связано с гражданской процессуальной формой, которая воплощает в жизнь регулятивное содержание гражданско-правовых норм. Поэтому познание процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения гражданских дел имеет важное практическое и теоретическое значение. Оно позволяет в значительной мере избежать ошибок при применении норм материального и процессуального права и тем самым способствует повышению качества судопроизводства [1, с. 7]. Если мы рассматриваем отношения в сфере авторского права, то видим, что они имеют определенные особенности, связанные с предметом такого вида гражданско-правовых отношений.

Отношения, регулируемые нормами авторского права, можно представить как отношения, возникающие вследствие создания и использования авторских произведений. Субъекты рассматриваемых право-

отношений в сфере авторского права обращаются в судебные органы для защиты нарушенных или оспариваемых прав и охраняемых законных интересов. Таким образом возбуждаются гражданские дела о защите авторских прав. Дело о защите авторских прав — гражданское дело, рассматриваемое и разрешаемое судом в целях защиты нарушенных и оспариваемых интеллектуальных прав лиц на произведение науки, литературы и искусства [2].

Гражданское процессуальное право различает следующие категории (виды) дел в гражданском процессе: дела, рассматриваемые в порядке искового производства; дела, рассматриваемые в приказном производстве; дела, возникающие из публичных правоотношений, и дела, рассматриваемые в порядке особого производства. При выделении вида производства учитывается материально-правовая природа дела, особенности судебной процедуры и специфика возникающего правоотношения [3, с. 12]. В исковом производстве, в рамках которого осуществляется защита нарушенного права субъективного характера. В приказном производстве возможно рассмотрение требований, которые основаны на сделке, совершенной в простой письменной форме. Например, это может быть в рамках договора авторского заказа, договора на создание произведения, лицензионного договора. В порядке особого производства рассматриваются категории дел, в которых спор о праве отсутствует. По категории дел, возникающих из авторских правоотношений, в порядке особого производства рассматриваются дела об установлении факта авторства, то есть факта создания произведения автором.

Дела, возникающие из авторских правоотношений, касаются зачастую смежных правоотношений, ввиду чего могут применяться иные правовые нормы и отношения не становятся в полной мере авторскими. Можно привести такие категории дел, возникающие из авторских правоотношений, как отношения, связанные с наследованием авторских прав, и отношения, связанные с созданием и использованием служебных произведений, то есть отношения «на стыке» трудовых отношений и гражданско-правовых.

Большая часть категорий дел, возникающих из авторских правоотношений, рассматривается путем предъявления иска. Для данных видов гражданско-правовых (авторских) споров исковой порядок является единственно правильным, так как в такой категории дел присутствует спор о праве. В исковом порядке осуществляется защита субъективных прав путем признания, указание на совершение определенных действий или воздержания от них, прекращения или изменения правоотношений.

Правовая природа авторских прав, а также система способов их защиты предопределяет существование разновидностей авторских споров. Авторский спор можно определить как разновидность социального конфликта имущественного или неимущественного характера, который возникает между автором, правообладателем или иным лицом, если в ходе такого конфликта затрагиваются права и интересы таких лиц. Е. Я. Баскаков понимает под авторским спором спор, который вытекает из авторского права, и указывает, что к числу авторских прав относятся и споры в области смежных прав [4, с. 10]. Сущностным признаком, определяющим понятие авторского спора, является специфический субъектный состав спорящих сторон и направленность спора на защиту интересов автора и (или) правообладателя.

Сначала следует провести классификацию дел о защите авторских прав на споры, возникающие из осуществления личных неимущественных прав автора, и споры, возникающие из осуществления имущественных прав автора или правообладателя. Дела, связанные с защитой авторских прав, можно разделить по нескольким основаниям. Так, например, М. А. Алькова проводит классификацию по следующим критериям: в зависимости от вида обязательства, в зависимости от характера нарушенного авторского права, в зависимости от способа защиты нарушенного или оспоренного права [5, с. 62–64].

В зависимости от вида обязательства, возникшего при нарушении авторских прав, авторские споры разделяют на споры, возникающие из договора, то есть из договорных обязательств, и споры, возникающие из деликтных обязательств. Также стоит отметить, что выделяются споры, возникающие при нарушении личных неимущественных прав, споры, возникающие при нарушении исключительных прав, споры, возникающие при нарушении иных прав, и споры смешанного характера.

В соответствии с п. 1 ст. 1250 ГК РФ, интеллектуальные права защищаются способами, предусмотренными ГК РФ, с учетом существа нарушенного права и последствий, возникших в результате противоправных действий. По мнению Альковой М. А., тот или иной способ защиты прав определяет предмет требования правообладателя, на основании чего можно выделить дела, связанные с защитой авторских прав: дела о признании авторского права, дела о пресечении действий, нарушающих авторское право или создающих угрозу его нарушения, дела, по которым заявлено требование о восстановлении положения, существовавшего до нарушения авторских прав, дела о требованиях об изъятии контрафактного материального носителя или прочих устройств для совершения нарушения исключительных прав, дела о возмещении убытков, причиненных нарушением авторских прав, дела о требовании

о переводе прав правообладателя исключительного права, дела о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав, дела о требовании публикации решения суда о допущенном нарушении авторских прав и дела о компенсации морального вреда, причиненного нарушением авторских прав [5, с. 66].

В качестве основания классификации дел искового производства можно привести разграничение дел в зависимости от вида исков или, иначе, от способа требуемой у суда защиты истцом. Так, к искам о признании относятся требования о взыскании компенсации за нарушение права на объект авторского права. Исками о признании права, так как именно авторское право возникает без регистрации, в виду чего возникают споры между субъектами. К преобразовательным искам можно отнести требования о признании договора между и автором и правообладателем недействительным. К пресекательным искам относятся требования к лицу, которое должен прекратить использование охраняемого объекта авторского права.

Также можно провести классификацию по субъектному составу. Можем выделить споры между соавторами произведения, споры между автором или авторами и правообладателями, а также споры между автором или авторами и заказчиком. У указанных субъектов отношений в сфере авторства есть материально-правовой интерес, что отличает их от иных лиц.

В заключении стоит отметить, что понятием «авторский спор» не могут охватываться все дела о защите авторских прав. Кроме того, дела, связанные с защитой прав, могут быть проклассифицированы по различным основаниям, что может быть положено в основу дальнейшего исследования особенностей рассмотрения дел, возникающих из авторских правоотношений.

Список литературы

1. Пискарев И. К. Особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел (исковое производство). М. : Городец, 2005. 512 с.
2. Страхов С. Е. Защита авторских и смежных прав: вопросы терминологии // Гражданское право. 2017. № 6. С. 31–33.
3. Гражданский процесс : учебник / под ред. А. Г. Коваленко, А. А. Мохова, П. М. Филиппова. М. : Контракт, 2008. 448 с.
4. Баскаков Е. Я. Особенности рассмотрения и разрешения авторских споров : дис. ... канд. юрид. наук. М, 2004. 166 с.
5. Алькова М. А. Особенности доказывания по авторским спорам : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов : Саратовская гос. юрид. академия, 2013. 187 с.

Ярмиева Н. С.,
студентка 4-го курса юридического факультета
Н.Р: Баранова Е. С., канд. юрид. наук.
Башкирский институт социальных технологий (филиал)
Академии труда и социальных отношений, Уфа
yarmieva.Nnata@mail.ru

ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и структура правомерного поведения. Показана важная роль ценностных признаков правомерного поведения. Выявлено, что в механизме формирования правомерного поведения личности важными факторами выступают мотивация и стимулирование.

Ключевые слова: правомерное поведение, правосознание, мотивация, правовое стимулирование, правовые льготы.

В процессе жизнедеятельности люди сталкиваются с требованиями различных социальных регуляторов и нормативных предписаний. Это и обычаи, и религиозные, политические, этические, моральные, корпоративные и иные нормы, правила поведения. Правомерное поведение обеспечивает стабильность, правопорядок, законность, решает общественные споры, преодолевает правовой нигилизм, способствует развитию демократического общества, правового государства. Особое значение правомерное поведение приобретает тогда, когда оно может быть охарактеризовано как сознательно-солидарное с правом, ценностями и принципами демократического общества.

В настоящее время к числу современных проблем, отражающих специфику состояния современного российского общества, относится правомерное поведение человека, позволяющее судить о зрелости личности, ее жизненной позиции. Правомерность поведения выступает основой для формирования правовых ориентаций человека, определяющих его персональное поведение, отношение к правовой действительности и формирующее его правовые действия в современном обществе.

Вследствие этого чрезвычайно актуален вопрос о формировании правомерного поведения личности, предполагающий анализ факторов, обуславливающих потребность государственно-организованного общества в правомерном поведении субъектов.

Следовательно, основной проблемой формирования правомерного поведения личности служит одной из наиболее актуальных проблем для современного российского общества, так как благодаря устойчивости и эффективности ее общественного развития основывается правовая культура личности и соответственно правосознание.

Как отмечает Л. Н. Фомичева, «правомерное поведение признается единственно адекватным, должным человеческим поведением, регулируемым правовыми нормами» [10, с. 17]. Только благодаря правомерному поведению многие отношения беспрепятственно реализуются и развиваются.

По словам Е. К. Нурпеисова, «следуя правовым образцам поведения, люди социально приемлемым способом разрешают противоречия, возникающие в их взаимоотношениях; правомерное поведение призвано ликвидировать разнообразные житейские конфликты и укреплять нравственные начала в человеческих отношениях» [7, с. 101].

М. Н. Марченко считает, что правомерное поведение можно определить как такое поведение людей, которое в полной мере согласуется со всеми требованиями норм права. По мнению В. Л. Кулапова, правомерное поведение — это «такое поведение, которое, во-первых, отвечает интересам общества, государства и отдельных лиц; во-вторых, соответствует требованиям правовых предписаний; в-третьих, обеспечивается государством».

Наиболее удачным надо признать определение, сформулированное В. В. Оксамытным: это обусловленная культурно-нравственными воззрениями и жизненным опытом человека деятельность в сфере социального действия права, основанная на сознательном выполнении его целей и требований. Таким образом, автор подчеркивает, что, во-первых, правомерное поведение является сознательным волевым проявлением; во-вторых, поведение оценивается путем его сопоставления с целями и требованиями права; в-третьих, внутренние регуляторы или мотивы поведения определяются культурно-нравственными качествами и ориентациями личности, а также ее жизненным опытом.

Анализ многочисленных публикаций по данной проблеме показывает, что правомерное поведение большинством авторов, в целом, определяется единообразно, в частности, как:

- а) совпадающее с требованиями норм права, соответствующее правовым предписаниям;
- б) не противоречащее нормам права, т. е. не выходящее за их пределы;
- в) не запрещенное нормами права.

Таким образом, поведение субъектов права, соответствующее требованиям норм права в общем виде, является правомерным. В соответ-

ствии с этим правомерное поведение является конечным итогом правовой социализации и представляет собой такое поведение, результаты которого не противоречат ценностям общества, а также которые выражены в правовых нормах. Такое поведение реализуется во всех сферах общественной жизни. Оно является объективно-необходимым условием взаимодействия людей в любой исторический период. Правомерное поведение служит средством решения разнообразных социальных, а также юридических задач в области правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности.

Правомерное поведение как юридический факт, является условием возникновения, изменения и прекращения разнообразных правоотношений. При этом государство и общество заинтересованы в осуществлении такого поведения, которое бы соответствовало позитивному развитию общественных отношений. Решать эту проблему можно с помощью права, правовых средств.

Структура правомерного поведения представляет собой единство четырех элементов:

- субъекта;
- объекта;
- субъективной стороны;
- объективной стороны;

Субъектами выступают физические (частные) или юридические лица, признанные таковыми в установленном государством порядке.

Объектами правомерного поведения являются предметы материального мира или поведение субъектов.

Объективная сторона включает в себя все элементы, характеризующие правомерное поведение как акт внешнего действия, ибо о помыслах и чувствах реальных личностей можно судить лишь по одному признаку — действиям. Правомерные поступки субъектов отличаются друг от друга, а также от противоправных и юридически нейтральных именно своей внешней стороной.

Субъективная сторона правомерного поведения отражает его внутреннюю сторону. Ее характеризуют, прежде всего, мотивы, из которых исходят правомерно действующие участники общественных отношений, а также цели, на которые направлены их действия или бездействие.

В соответствии с этим правовое бездействие является такой же непосредственно характеристикой (определенной чертой) правового поведения, как и правовое действие. При этом оно, как и действие, может быть правомерным либо неправомерным. Так, поведение субъекта права, которое заключается, главным образом, в осознанном соблюдении запретов, в их нарушении, относится к правомерному бездействию.

Неисполнение же возложенных на лицо правовыми предписаниями обязанностей делает такое бездействие неправомерным. Причем бездействие становится правовым (а значит, правоммерным либо неправомерным) только в случае его включения в содержание субъективного права либо юридической обязанности, содержащихся в конкретной норме права, либо в условиях договора (контракта).

Связь правоммерного поведения с интересами личности является сложной и многофакторной. В зависимости от ряда конкретных обстоятельств, правоммерное поведение подразделяется на привычное, желаемое, должное или вынужденное. В юридической науке выделяют следующие основные признаки правоммерности поведения: соответствие правовым предписаниям, совпадение с требованиями нормативных актов, отсутствие противоречий положениям законодательства, защищенность правовыми нормами.

Основными ценностными признаками правоммерного поведения являются:

- общественная полезность, которая выражается в укреплении правового государства, уровня цивилизованности общества, законности и правопорядка;

- добровольность и сознательность, поскольку многие люди ведут себя правоммерно не из-за страха наказания, а в силу личных убеждений и нравственных устоев;

- массовость, ведь такое поведение распространено среди большинства населения, в противном случае общество просто бы перестало нормально функционировать.

Однако заметим, что до настоящего времени в юридической литературе нет единого подхода к механизму формирования правоммерного поведения [2, с. 463].

Учитывая, современные реалия нашего российского общества, актуализируется поиск новых позитивных средств обеспечения правоммерного поведения, отличных по своему содержанию и механизму воздействия от карательных и принудительных мер.

Поэтому в качестве основного механизма формирования правоммерного поведения личности будет рассматриваться мотивация и стимулирование такового.

Стимулы побуждают субъекта права к формированию мотивов, ведущих его к правоммерному поведению. Поэтому стимулирование правоммерного поведения связано с такими понятиями как «мотив» и «мотивация».

Термин «мотивация» представляет более широкое понятие, чем термин «мотив». Мотив представляет собой движущуюся силу, побуж-

дительную причину. Мотивация же — система внутренних факторов, вызывающих и направляющих ориентированное на достижение цели поведение человека [3, с. 277]. При формировании мотивов правомерного поведения имеет значение характер связи между интересами действующего субъекта и интересами других лиц, также служащими источниками мотивации [8, с. 145].

Для мотивации в правовой сфере необходимо, чтобы человек осознал потребность в чем-либо в виде интереса, определил характер своих действий и их конечный результат (цель), соотнес деятельность с теми социальными требованиями, которые содержатся в системе юридических стимулирующих средств.

Наибольшее влияние на мотивы субъектов оказывают стимулы, облеченные в правовую форму, что выражается в их закреплении в нормативных актах. Правовыми стимулами можно считать лишь те побудительные причины, которые направляют к осуществлению определенной цели и носят предписательный характер. Правовые стимулы — это информационно-юридические средства, а не предметы, не вещи, не трудовая обстановка и т. п. [5, с. 51]. Цель правовых стимулов заключается в том, чтобы вызвать мотивацию, направленную на активное правомерное поведение, на высокий результат действий, на обеспечение самостоятельности, свободы личности, на проявление ее инициативы, творчества, предприимчивости [4, с. 13].

Объективная необходимость использования правовых стимулов состоит в том, что у общества и государства существует насущная потребность в правомерном и активном поведении субъектов права в различных сферах жизнедеятельности. Подобные потребности формируют предпосылки для установления в законодательстве определенных правовых стимулов, которые способны оказать влияние на поведение субъектов в желаемом направлении, побудить личность вести себя определенным образом.

Как справедливо считает Н. И. Уздимаева, наибольший результат правового стимулирования будет достигнут тогда, когда программа поведения личности, заложенная в правосознании, будет согласовываться с правовой программой, заключенной в нормах права [9, с. 125]. Основными элементами правового стимулирования выступают правовые нормы-стимулы; юридические факты — стимулы; акты реализации прав и обязанностей; стимулирующие правоприменительные акты.

Со своей стороны, отметим, что государство заинтересовано не просто в правомерно действующих субъектах, а в таком их поведении, которое будет активно-правомерным. Такое воздействие осуществляется с помощью определенных методов стимулирования.

Одним из методов правового стимулирования правомерного поведения является метод льгот. Институт льгот постоянно совершенствуется, особенно в последнее время. Искусство законодателя во многом определяется тем, как он умеет устанавливать льготы, использовать их функциональные ресурсы. Ведь от характера и объема льгот зависит качество права. Это касается налоговых льгот в сфере малого бизнеса, система социальных льгот различным категориям граждан, тем самым стимулируя их к правомерному поведению. И в этом смысле льготы лишь подтверждают право как систему правил [6].

Наиболее эффективным методом правового стимулирования правомерного поведения является метод поощрения. Поощрение выступает самым мощным юридическим стимулом, как правило, побуждающим к получению поощряемого результата. Основным инструментом метода поощрения являются поощрительные нормы. Они встречаются практически во всех отраслях права. Наиболее показательно в этом отношении трудовое право. При назначении поощрения необходимо учитывать достигнутые результаты правомерного поведения, то есть реальную пользу общественным отношениям [6].

Следующий метод стимулирования правомерного поведения — метод юридической ориентации [1, с. 99]. Данный метод стимулирования предлагает комплексное использование информативных свойств права, способствующих правильному усвоению его содержания. Право информирует о возможном поведении окружающих субъектов людей в самых различных областях жизни. Правовые предписания содержат сведения о вариантах поведения, не известных ранее субъекту. Право информирует и о возможных последствиях (позитивных и негативных) различных действий. Воспринятая правовая информация становится внутренним побудительным стимулом правомерного поведения. Получая знания о правовых нормах, соотнося их со своими представлениями о должном и необходимом, вырабатывая на этой основе свое отношение к праву, человек связывает приобретенное знание с планируемым поведением.

Итак, в целях реализации государственной политики в сфере развития правосознания граждан, России предстоит длительная и кропотливая работа, в первую очередь, направленная на формирование уважения к закону, преодоление правового нигилизма, совершенствования деятельности государственных и муниципальных органов, правоохранительных органов, направленной на обеспечение законности и правопорядка.

Общественная роль правомерного поведения заключается в том, что оно способствует укреплению законности, создает основу стабиль-

ности и организованности в обществе, формирует предпосылки для его дальнейшего развития и совершенствования. Ценность правомерного поведения для общества проявляется в том, что оно составляет неотъемлемую часть цивилизованного поведения. Следование субъекта права нормативным требованиям по причине глубокой личной убежденности в приоритете моральных установок-основа благополучия любого общества и государства.

На основании изложенного отметим, что формирование правомерного поведения личности заключается в воздействии внешних позитивных стимулов на внутренние процессы мотивации субъектов права, формирование которых приводит к положительному результату, а в конечном счете, к правомерному поведению.

Библиографический список

1. Боброва Н. А. Гарантии реализации государственно-правовых норм. Воронеж, 1984. 168 с.
2. Еловских О. В. Правосознание // Молодой ученый. 2016. № 26 (130). С. 463–465.
3. Ковалев В. И. Мотивы поведения и деятельности. М., 2015. 253 с.
4. Лебедев Е. Н. Механизм правового стимулирования социально-активного поведения (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 29 с.
5. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003. 352 с.
6. Малько А. В. Льготная и поощрительная правовая политика. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 252 с.
7. Нурпеисов Е. К. Психология правомерного поведения. Алма-Ата, 1984. 93 с.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1999. 525 с.
9. Уздимаева Н. И. Правомерное поведение: понятие, квалификация, мотивы. М., 2006. 423 с.
10. Фомичева Л. Н. Современная концепция правового поведения личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 28 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Баранова В. А. Брачный договор в российском праве: сущность и особенности.	4
Баранова Е. С., Литвинюк А. В. К вопросу о государственном суверенитете в свете поправок к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 году	10
Веде Ю. В. Торпердирующий (блокирующий) иск.	14
Гайфуллин И. Ш., Ямалетдинов Р. Р., Иксанов Р. А. Организационно-правовой механизм приватизации земель сельскохозяйственного назначения	17
Гончарова С. В. Особенности негаторного иска	21
Гриценко Н. С. К вопросу о сущности коллегиальности в уголовном процессе	23
Данакари Л. Р., Ермоченко К. П., Ивентьев С. И. Вопросы правового регулирования информационного пространства духовно-нравственной сферы человека	30
Жуковина М. Г., Бабкин В. А. Цифровизация судебной системы как способ реализации принципа открытости и гласности	35
Капканникова М. А., Ермолаева Т. А. Коллизионные вопросы алиментных обязательств в международном частном праве.	40
Клементьева А. А., Хомченко В. Н. Понятие и основания прекращения обязательств.	45
Кочетова Е. Е. Актуальные проблемы и тенденции развития института международного усыновления	48
Леонтьева А. Н. Получение сведений о наличии неснятой (непогашенной) судимости кандидатов в присяжные заседатели	53

Нехорошкова Д. К. Актуальные проблемы в получении земельного участка из муниципальных земель в собственность, в том числе — подаче иска (заявления) о признании решения органа государственной власти в отказе в предоставлении земельного участка недействительным.	59
Нигматуллина Т. А. Формирование правосознания в детской и молодежной среде	62
Салий А. А. Налоговая политика Российской Федерации на современном этапе	67
Соколова А. Ю., Мамедова Э. Б. История возникновения сервитута и перспективы его развития в российском праве	70
Стерхова А. А. Формирование системы принципов налогообложения	74
Нургалиева Л. Н. Современные тенденции развития трудового права в Российской Федерации.	79
Тухватуллаева К. К. Право России, Франции и Великобритании и их взаимосвязь.	82
Усачева Е. А. Реализация мер безопасности, применяемых в отношении должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов	86
Форукшина Е. А. К вопросу о правовой природе наследственного договора	91
Хасина А. А. К вопросу о классификации дел о защите авторских прав	95
Ярмиева Н. С. Правомерное поведение личности в условиях современного российского общества	99

Научное издание

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Всероссийская научно-практическая Интернет-конференция
Уфа, 3 декабря 2021 года

Сдано в набор 25.12.2021. Подписано в печать 30.12.2021.
Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 6,27. Уч.-изд. л. 7,48. Тираж 100. Заказ 57

Башкирский институт социальных технологий (филиал)
Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»
Проспект Октября, 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054
Тел.: +7 (347) 216-41-62
www.ufabist.ru

Отпечатано в типографии БИСТ
(филиала) ОУП ВО «АТиСО»